

А. Ф. УПРАВИТЕЛЕВ

Конструирование субъектности в антропологии С. Н. Булгакова

<Фрагменты>

Глава I

Интеллектуальный портрет мыслителя

Существуют различные меры соответствия физической и творческой биографий художника. Так, например, один заурядный австрийский чиновник со стандартным эдиповым комплексом написал произведения, ошеломляющие ко всему привычный 20 век. Один революционер в музыке, певец мифологического титанизма, постоянно находился в крайне сложных материальных и семейных обстоятельствах. Провозвестник сверхчеловека был очень болезненным человеком и все свое время посвящал заботам о здоровье.

Физическая биография С. Н. Булгакова немногим отличается от его творчества. Вернее сказать, его творчество является оформлением и осмыслением его биографии. «Лично для автора эта книга представляет собой род духовной автобиографии или исповеди. Она является обобщающим постижением, как бы итогом всего мною пройденного, столь ломаного и сложного...духовного пути, я в ней благодарно его озираю», — пишет С. Н. Булгаков в предисловии к «Свету Невечернему», и это характерно не только для названной работы. Каждое произведение — этап творческого движения к подлинному и к себе. Возникающие в итоге жизни «Автобиографические заметки» — проекция духа на собственную историю, опыт понимания физической биографии как части духовной. Строит человек мост для убегания в вечность и попутно рассуждает о строительстве, а потом, с того, другого берега, описывает свой путь как целенаправленный...

Интеллектуальный портрет — это не совокупность идей, не описание творческого пути и даже не реконструкция исходной интуиции, разворачиваемой в творчестве. Интеллектуальный портрет — лицо, облик творческой мысли, творческая индивидуальность, выраженная в специфических признаках. Чтобы понять

сказанное, нужно увидеть сказавшего. Вот этой задаче — «увидеть сказавшего» — и посвящена данная глава. Решение этой задачи предполагает как понимание человека*, так и описание излюбленных ходов мысли этого человека**.

1

Этапы творческого пути — вехи трансгрессии

В современной философской литературе слово «трансгрессия» используется для выражения способности человека выходить за пределы своей конкретной наличной определенности.

Трансгрессия — выход за пределы, опыт предела. Ж. Батай понимает под трансгрессией радикальное преодоление социальных запретов, а также отказ, игнорирование целей и законов рода в индивиде. По Фуко, трансгрессия — жест, который обращен на предел. Предел и трансгрессия создают полноту бытия друг для друга. Трансгрессия — предельность, переходящая через границу самой себя. Трансгрессия — процесс, этап существования, когда выраженность качества доходит до максимума, до предела и переходит в иное. Термин эффективен для обозначения динамики и соответствует методологической установке современного мышления.

Эссенциалистский способ познания предмета, характерный для классического периода философии и науки, имеющий немалые достоинства и скромные недостатки, заменяется сегодня на другой способ восприятия и понимания предмета. Эссенциалистское познание — припоминание, познание — проникновение в сущность разворачивается в дихотомии внешнего и внутреннего, предполагает переход от феномена, явления, формы, следствия к ноумену, сущности, содержанию, причине. Данная форма мысли задана архаическим отношением «порождающее — порожденное» и религиозным отношением «Творец — тварное». В глубинах всякого эссециализма сокрыто религиозное сознание, вера, уверенность, полагание, что человек связан с миром абсолютно. Безрефлексивное полагание этой связи формирует акт познания как

* *Абеляр П.* Теологические трактаты. М.: Прогресс: Гнозис, 1995. С. 5.

** *Августин А.* О Граде Божием / Блаженный Августин. [Репринт, изд.]. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994; *Алешин А. И.* История как эволюция (длящееся миротворение) и творчество человека («языческое» и христианское в концепции Богочеловечества С. Н. Булгакова) // *Человек, космос, эволюция: Традиции русской религиозной философии и современность.* М., 1992; *Алипий архимандрит, Исаяя архимандрит.* Догматическое богословие. Курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

акт осознания уже существующего. Познать — описать видимое умственным взором. Теории происхождения и диалектика — высшая, а, значит, и выходящая за пределы самой себя форма такого мироотношения и познания.

А если смотреть не аналитическим взором Взрослого: «Что это? Кто это сделал?», а целостным взглядом Ребенка, создающего связь с миром как чистое восприятие-вопросание?

Представим себе оранжевую игрушку на зеленом напольном ковре. Взрослый видит два предмета. Ребенок видит целостную картину, если бы он в качестве философа постмодерна попытался описать свое восприятие, то вышли бы такие странные формы дискурса: «оранжевость зеленого», «зеленость оранжевого», «горизонтальность зелено-оранжевого», «красно-фиолетовое на окне и оранжево-зеленое на полу». Может быть, ребенок установил бы какую-нибудь странную связь: «шоколад, съеденный тайком — обидное замечание — решительный уход оранжево-зеленая-красно-фиолетовая комната». Так и видится изумленный человечек, застывший на пороге... Если нет априорной связи с предметом, то невозможно увидеть сам предмет в его отдельности, невозможно указать центр, границу, иное. Предмет теряется в окружении, для того, чтобы познать его, необходимо сконструировать образ видения предмета («оранжевое» или «круглое» — что нужно увидеть?), границу предмета и другое по отношению к нему. Несомненной для познающего будет интуиция целостности, а условно достоверной — проблематизация и дискурс освоения.

Термин «трансгрессия» неслучайно востребован в современном мышлении. Он свободен от эссенциалистских значений и смыслов, схватывает процесс, динамику того, с чем связь проблематична или отсутствует. «Это через край лезет», — может заметить самый простодушный наблюдатель, неспособный определить «это», «край» и сам процесс «лезет». Трансгрессивное описание — это описание выходящего за пределы собственной определенности. Нельзя сказать, что это большая гносеологическая новация. Можно описывать, например, детство, юность, молодость, зрелость, старость в их сущностных характеристиках, а можно — переходные, пограничные состояния, тяготы перерастания одного в другое, проблемы и факторы бесконечной социализации. Если объектом познания становится сама неопределенность, то и познание становится сомнительным предприятием. Сомнение присутствует на всех этапах познания: сомнительность восприятия, сомнительность проблематизации, сомнительность освоения. Сомнение делает условным освоение предмета и оставляет гипотетической связь с предметом. А как иначе можно описать пространство между «уже не...» и «еще

не...»? Экспликация неопределенности порождает терминологию маргинальности, образный строй процесса и семантику порогов.

Для описания мировоззрения С. Н. Булгакова я считаю наиболее подходящим именно трансгрессивный метод. Он позволяет концептуально оформить чисто эмпирическое наблюдение: С. Н. Булгаков всегда выходит за пределы той области, которую собирается развить. Этот уход осуществляется в двух формах: 1) чистый уход, отрицание теории ввиду ее неэффективности; 2) собственно трансгрессивный систематический (выход за пределы философии, за пределы православия, за пределы христианства, за пределы религии). Разумеется, нельзя расположить этапы творчества по вектору жизни мыслителя как отдельные точки. Пересечения постоянны.

1. Первое трансгрессивное событие в жизни мыслителя имеет преимущественно биографическое измерение. «Когда поэзию детства стали вытеснять проза бурсачества и семинарии», пришла «холодность к детским верованиям и их отвержение»*, произошел переход от «православия к... нигилизму»**, к «интеллигентщине» и религии прогресса. В биографическом измерении это означает уход из духовной семинарии, поступление в светскую гимназию и затем в университет. Философ так оценивает этот шаг: «Я оказался уже в начале своего жизненного пути между двух миров, не будучи способен слиться ни с одним из них, двух станов гость случайный. Так предопределилась судьба всей моей жизни, пока еще в смутных прообразах: чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой»***. Это состояние «между» постоянно проговаривается мыслителем в своих воспоминаниях: родительская семья С. Н. Булгакова жила в маленьком городе Ливны Орловской губернии, фактически, в деревне, но «мы... были лишены и никогда не знали прелестей деревенской жизни»****. Отец — потомственный священник, хорошо учился в гимназии, но без особых умственных запросов, здоровый ум и жесткий сарказм, добросовестность, бережливость, но «совсем не было способности настойчиво хотеть и осуществлять свое воление»*****. Мать — дворянского происхождения, несколько одержимая «на-

* Булгаков С. Н. Судьбы мира, грядущее. Из наследия рус. философа // Наш современник. 1993. № 7. С. 320.

** Там же. С. 322.

*** Там же. С. 324.

**** Там же. С. 310.

***** Там же. С. 316.

вязчивыми идеями, большей частью очередными пустяками»*, любила поэзию, но «круг ее знаний был ограничен»**, «являла в себе тип какого-то неуравновешенного и несколько дегенеративного (фантастическая бессонница) аристократизма»***, ей были свойственны «незлобивое тщеславие в детях» и «суетливая говорливость», в своей многозаботливости она была деспотична и слабохарактерна. Старший брат Володя был «прост сердцем, но неистов в страстях», «явился наиболее трагической жертвой наследственного алкоголизма»****. Обилие антиномических определений поражает.

Однозначность/многозначность отношения определяется мерой присутствия. Суждение будет однозначным, если оно обнаруживает одну часть диады. Суждение будет многозначным, если оно обнаруживает свободное присутствие субъекта в событии. Так, например, «жертва» совершенно однозначно определит «жертву» или «палача» в отношении «палач — жертва». А вот посторонний наблюдатель может отождествлять себя и с тем, и с другим, думать о контексте казни, пытаться не увидеть кошмарного зрелища и т. п. Он свободен в выборе отношения, суждение, проговаривающее это свободное отношение, лишено однозначности.

Двузначное, амбивалентное отношение возникает, когда человек уже преодолел полную зависимость одномерного присутствия в событии, частично свободен, но еще захвачен событием, не до конца свободен. Амбивалентность суждения обнаруживает мировоззренческую позицию «между», человек находится как бы на пороге, на границе двух различных реальностей. Два голоса одинаково сильно звучат в человеке, а свобода пограничного состояния создает демиургический соблазн в творческом и неизбежное чувство одиночества в психическом измерении.

2. Второе трансгрессивное событие в жизни С. Н. Булгакова — переход от марксизма к идеализму и религии. Этот период достаточно полно отражен в сборниках «От марксизма к идеализму», «Два града» и ряде статей периода с 1903 по 1911 гг.

Трансгрессию не следует понимать как отказ от одного ради принятия другого, например, отказ от любви ради высшей истины, как это было у Кьеркегора¹. Трансгрессия происходит, когда человек полностью овладевает наличной реальностью и открывает для себя новые горизонты. Человек трансгрессии видит ограни-

* Там же.

** Там же.

*** Там же. С. 316.

**** Там же.

ченность предшествующего и пролагает пути в последующее существование. Текст трансгрессивного периода — не критика, что было бы заурядным отступничеством, а обозрение имеющегося как недостаточного, а также освоение нового.

Материализм, марксизм, позитивизм, по С. Н. Булгакову, слабы в следующем: они не могут дать целостное знание о мире; отвечают на вопрос «как?», но неспособны ответить на вопросы: «что?», «почему?», «зачем?»; механистическая философия непоследовательна и старается вместить в себя теологию; теория прогресса старается заменить собой метафизику и религию, но неспособна сделать это; теория прогресса неальтернативна в истории, «подобна тусклой свече, которую кто-нибудь зажжет в самом начале темного коридора»*****; теория прогресса понимает человечество как механическую сумму человеческих индивидов; человечество как абсолют — величина мнимая; эвдемоническое понимание прогресса исторически абстрактно; рост благосостояния — средство, а не цель прогресса; в теории прогресса «наши потомки представляются вампирами, пытающимися нашей кровью»*****; идея бесконечного развития личности является несистемной, несобственной ценностью для теории прогресса.

В качестве освоения новой реальности предлагаются следующие концепты: всякая философия есть метафизика; нерелигиозных людей нет; метафизика мысли в религии становится святыней духа; точное знание, метафизика и религия должны находиться в гармоническом соотношении между собой; метафизика истории является раскрытием абсолютного в относительном; основные ценности теории прогресса есть часть христианского теизма; вера — самостоятельная способность человеческого духа; идеализм способен возратить социальному движению нравственную силу и религиозный энтузиазм; классовая борьба должна руководствоваться не эгоистическим интересом, а абсолютным приказом нравственного закона, велением Бога; идеал цельного знания, цельной жизни, цельного творчества присущ каждому развитому сознанию, «нравственная свобода, требующая иррациональности, мирится с необходимостью, или божественным фатумом, требующим рациональности, ибо это необходимость осуществляется свободно»*****; христианская политика должна охватывать все стороны общественной жизни.

***** Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. Т. 2. С. 119.

***** Там же. С. 126.

***** Там же. Т. 1. С. 203.

В целом материализм, марксизм, позитивизм интерпретируются как социально ограниченные учения, их преодоление совершается на путях радикализации сознания, таковая осуществляется как перенесение проблематики в метафизическое измерение и оправдание философского иррационализма в терминах христианского теизма.

Следующий шаг трансгрессии в биографии С. Н. Булгакова — мировоззренческий и экзистенциальный уход из России. Работа «Pro et contra. На пиру богов» опубликована в 1918 г в сборнике «Из глубины». Примечательно, что философ обращается к жанру диалога. Диалог имеет значительно большие выразительные возможности, чем обычные академические формы дискурса, типа статьи или книги. Диалог может быть понят как совокупность возможных точек зрения, где авторское мнение — одно из множества, как будто автор — некий судья, он дает слово всем участникам процесса и выносит решение. Такой подход мне представляется несколько прямолинейным и психологически неубедительным. Весь диалог — авторская точка зрения, как и все драматическое произведение — выраженная в лицах множественная персональность писателя-драматурга. Мыслитель обращается к диалогу, когда у него существует не одна точка зрения на предмет. Диалог — полифоническое звучание предмета. Диалог исчерпывает универсум суждений, лично значимых для автора. В психологическом отношении, участники диалога — маленькие Я автора, части сознания, метафорические фигуры мировоззрения, которые должны быть выслушаны и примирены. Обращение к диалогу свидетельствует об отсутствии целостности в сознании и о стремлении к созданию этой целостности. В диалогах «Pro et contra. На пиру богов» участвуют общественный деятель, генерал, дипломат, писатель, светский богослов, беженец. Я позволю себе пространное цитирование для того, чтобы дать слово каждой стороне личности С. Н. Булгакова.

Общественный деятель — эмоциональное Я философа, «почвенное» Я в столкновении с катастрофой. Это голос обывателя городка Ливны Орловской губернии, досоциальное, семейно-родовое начало жизни. Неслучайно этот персонаж лишь выражает свои чувства, повторяет общие места, и своими репликами только способствует диалогу. Суждение общественного деятеля: «Умерло все, и мы умерли, бродим как живые трупы и мертвые души»*. «Россия — гниющая падаль, зловонная зияющая дыра»**.

* Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 565.

** Там же. Т. 2. С. 565.

Народ — «разбойничья орда убийц, предателей, грабителей сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве»*. «У нас нет ничего: ни родины, ни патриотизма, ни чувства самосохранения»**.

Генерал — это С. Н. Булгаков периода «Двух градусов», движения от идеализма к православию. Радикально-волевое практическое Я, голос казенного профессора, голос человека, стремящегося быть в системе. Ностальгический монархизм — свидетельство асоциальности. Суждение генерала: «Потеряла Россия... свою государственную интеллигентность»***. «Я, неисправимый романтик самодержавия, утопист, чувствовал себя единственным трезвым среди иступленных»****. «Народ имеет правительство, какого заслуживает»*****. Кадеты — «главные развратители России»^{6*}. Большевизм «хочет православного царства, только по социалистическому вероисповеданию»^{7*}.

«Социализм есть глубочайшее духовное падение и убожество, это — яд буржуазного строя, вошедший вовнутрь, отравивший души»^{8*}. «Проклятая русская интеллигенция! Сначала одурачила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ»^{9*}. Церковь «оболыневичилась» за время революции. Внешний паралич Церкви был и внутри, «в самую роковую минуту истории не умели уберечь царя от Распутина»^{10*}. «Трудно даже надеяться на всенародное движение к Церкви»^{11*}.

Дипломат — западническое Я С. Н. Булгакова. Безграничный рационализм периода марксизма, категоричность суждений, ирония как способ исключения себя из проговариваемого, абстрактность утверждений. Суждения Дипломата: «Невозможно, чтобы «полуварварский, дурно управляемый, экономически отсталый народ мог выдержать с честью испытания при столкновении с наиболее мощным из культурных народов»^{12*}. Идеология во-

* Там же.

** Там же. Т. 2. С. 590.

*** Там же. Т. 2. С. 578.

**** Там же. Т. 2. С. 341, 342.

***** Там же. Т. 2. С. 581.

^{6*} Там же. Т. 2. С. 583.

^{7*} Там же. Т. 2.

^{8*} Там же. Т. 2. С. 598.

^{9*} Там же. Т. 2. С. 600.

^{10*} Там же. Т. 2. С. 611.

^{11*} Там же. Т. 2. С. 613.

^{12*} Там же. Т. 2. С. 566–567.

йны — «славянофильское старье»*. Славянофильство — «наполовину является порождением эмиграции»**. Славянофильская мечтательность — вреднее, ядовитее социалистического бреда***. Большевизм «есть прямое наследие и продолжение войны, ее гниение, перешедшее вовнутрь»****. Революция «произошла сама собой, стихийной силой»*****. «Дело монархии безнадежно проиграно в истории»^{6*}. «России надо... установить у себя правовой порядок, упрочить здоровую государственность и справиться с хаотической распыленностью»^{7*}. «Жалобы на инородческое засилье есть только демонстрация собственного бессилия»^{8*}. Наиболее тяжелая ответственность за революцию и беды, с ней связанные, лежит на русской Церкви.

Писатель — С. Н. Булгаков периода «Вех», интеллигентское Я, почувствовавшее, что неукорененность, которая изживалась титаническими усилиями и немалое время, неустранима и непреодолима. Я, озирающееся по сторонам с вопросом «почему?», и принимающее «беженство» как форму жизни. Невозможность реального, социального преодоления маргинальное заставляет Я обратиться к себе в поисках достоверности. Искание достоверности заставляет психологизировать штампы идеологии, и аффектировать эгоцентризм мировосприятия. Суждения Писателя: «Россия изменила себе самой, но могла и не изменять»^{9*}. Европейская культура — «мелкие достижения мелких людей»^{10*}. «Через русский народ придет спасение миру... ему предлежит не только великое будущее, но и решающее слово в судьбах мира»^{11*}.

«Слишком мы студенисты, до слизнячества»^{12*}. Социализм есть «бредовая, навязчивая идея русской интеллигенции»^{13*}.

* Там же. Т. 2. С. 567.

** Там же. Т. 2. С. 570.

*** Там же. Т. 2. С. 623.

**** Там же. Т. 2. С. 576.

***** Там же. Т. 2. С. 580.

^{6*} Там же. Т. 2. С. 584.

^{7*} Там же. Т. 2. С. 587.

^{8*} Там же. Т. 2. С. 590.

^{9*} Там же. Т. 2. С. 568.

^{10*} Там же. Т. 2. С. 570.

^{11*} Там же. Т. 2. С. 591.

^{12*} Там же. Т. 2. С. 595.

^{13*} Там же. Т. 2. С. 599.

«Безбожие интеллигенции делает ее некультурной и даже антикультурной»*. «Наступает эпоха всеобщего беженства»**.

Светский богослов — С. Н. Булгаков периода «Света Невечернего» и «Тихих дум». Сознательное вхождение в избранную социальность, рациональная апология избранного. Наивная мистификация мира из жажды веры. Суждения светского богослова: «Большевизм родился из матерной ругани»***. «Нашему девственному народу был в лошадиной дозе впрыснут в кровь яд социализма»****. «Для русской интеллигенции... социалистический труд есть нечто роковое, в какой для еврейства его мессианизм»*****. «Безбожие русской интеллигенции есть не только роковая для нее самая черта, но это есть проклятие всей нашей жизни»^{6*}. «Идеалы революция провалилась, кумиры гуманизма и социализма низвергнуты»^{7*}. «Футуризм есть художественное пророчество об охлократии»^{8*}. «Я решительный клерикал»^{9*}. «Никакой связи между православием и самодержавием, кроме как исторической, вообще нет»^{10*}. «Церкви следует навсегда сохранить свободу и независимость от государства при всяком политическом строе»^{11*}.

Беженец — мистическое Я С. Н. Булгакова. Самая перспективная часть личности мыслителя, то, на основании чего вырастет впоследствии С. Н. Булгаков как величайший философ 20 века и еретик Русской Православной Церкви. Л. А. Зандер, а также и И. Б. Роднянская утверждают, что устами Беженца С. Н. Булгаков проговаривает свое собственное мнение. Учитывая вышесказанное о множественной персональное автора, с этим мнением трудно согласиться. Суждения Беженца — не более «булгаковские», чем все предыдущие. Разница лишь в том, что у Беженца будущее есть, а у его собеседников будущего нет. Суждения Беженца: «Царь взыскал пророка теоретических вдохновений. Его ли одного вина, что он встретил в ответ на свой зов только

* Там же. Т. 2. С. 602.

** Там же. Т. 2. С. 625.

*** Там же. Т. 2. С. 594.

**** Там же. Т. 2. С. 599.

***** Там же. Т. 2. С. 600.

^{6*} Там же. Т. 2. С. 601.

^{7*} Там же. Т. 2. С. 603.

^{8*} Там же. Т. 2. С. 607.

^{9*} Там же. Т. 2. С. 611.

^{10*} Там же. Т. 2. С. 616.

^{11*} Там же. Т. 2. С. 619.

лжепророка?»*. «Все нужное и спасительное для нас приходит не вовремя или вовсе не приходит; все вредоносное имеет успех»**. Русские — «единственный в мире народ вселенского сознания, чуждый национализма»***. «Старая красота умерла уже в мире. Болен мир, потому больно и искусство»****. «Теперешнее православие имеет характер староверия и глухо к вопросам, которые ставятся для него его же собственной жизнью»*****. «В 1917 г. окончилась константиновская эпоха в истории Церкви»^{6*}. «Старая греко-римская распря потеряла уже свою остроту. Встает перед нами старый вопрос о соединении церквей»^{7*}. «Старый быт вообще не восстановится»^{8*}. «Близится время, когда все почувствуют себя... “беженцами”, выброшенными из насиженных гнезд, бездомными и свободными»^{9*}. «Интеллигенция жаждет того, что может дать лишь Преображение, хотя по слепоте своей и ждет этого от революции»^{10*}.

Кажется, нет более нигилистического документа в осмыслении русской революции, чем эти диалоги. Нет ни единого тезиса без антитезиса. Отказ от всех ценностей российской либеральной интеллигенции начала 20 века. Набор точек зрения представлен таким образом, что они отрицают друг друга и вместе с тем образуют какой-то замкнутый мир, в данной системе дискурса ничего сказать более невозможно, нужен выход за пределы системы. Замкнутый контур дискурса конституирует его как самодостаточность и автономность от реальности, как нечто застывшее и мертвое. Символично, что будущее есть только у Беженца. Беженец — «человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-нибудь бедствия»^{11*}.

Следующий трансгрессивный шаг в биографии С. Н. Булгакова — выход за пределы православия, что нашло отражение в диалогах «У стен Херсониса». Известно, что С. Н. Булгаков

* Там же. Т. 2. С. 581; *Булгаков С. Н.* Судьбы мира, грядущее: Из наследия рус. философа // Наш современник. 1993. № 7. С. 339.

** Там же. Т. 2. С. 586.

*** Там же. Т. 2. С. 591.

**** Там же. Т. 2. С. 608.

***** Там же. Т. 2. С. 615.

^{6*} Там же. Т. 2. С. 619.

^{7*} Там же. Т. 2. С. 620.

^{8*} Там же. Т. 2. С. 623.

^{9*} Там же. Т. 2. С. 624.

^{10*} Там же. Т. 2. С. 624.

^{11*} *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М: Азъ, 1995. С. 36.

отрицательно относился к этому произведению, считал его порождением момента слабости и растерянности и не публиковал при жизни. Персонажи этих диалогов, кажется, служат подспорьем для того, чтобы выразить точку зрения Беженца. Приходской священник — слабый вариант Беженца, Иеромонах — злобная карикатура на официальную Православную Церковь, Светский Богослов — либеральная, интеллигентская восторженная религиозность, старающаяся быть ортодоксальной.

Набор участников диалогов и их ролевая выраженность свидетельствуют, что новый синтез в мировоззрении мыслителя уже произошел. Диалоги показывают Русское православие как замкнутую и ограниченную реальность и предлагают выход к новым горизонтам. Суждения Беженца: «Уходит Православие из мира, а не мы уходим от него, вот что совершается.»*****. В Русской Православной Церкви отсутствует вероучительный авторитет. «Православие, насколько в нем есть догматическое сознание, сверх обрядоведения, с ног до головы... поражено Протестантизмом — своеволием и своемыслием»*****. «Старообрядчество есть порождение греко-российства»*****. «Православие никогда не находится в наступательном, а только — в оборонительном положении»*****. «Цезарепапизм, наследственно перешедший из Византии, стоит у самой колыбели русского христианства»*****. «Я признаю Флорентийский Собор Вселенским»^{6*}. «Идея Третьего Рима была ложна, как раскольническая, особнячечкая»^{7*}. «Новые духовные силы явятся вследствие нового исторического самоопределения, т. е. соединения с Римской Церковью и воссоединения со всей Христовой Церковью»^{8*}.

С. Н. Булгаков не порывал с Русской Православной Церковью фактически, но дальнейшее его творчество свидетельствует, что уход все-таки состоялся. Еще раз повторю, что это не отказ, а перерастание. Разве Н. И. Лобачевский предавал геометрию Евклида, в области которой он сформировался как мыслитель? Внутренняя дисциплина духа и церковная дисциплина священника С. Н. Булгакова не позволяли ему думать, писать и гово-

***** Булгаков С. Н. Тихие думы. С. 365.

***** Там же. С. 392.

***** Там же. С. 398.

***** Там же. С. 403.

***** Там же.

^{6*} Там же. С. 444.

^{7*} Там же. С. 476.

^{8*} Там же. С. 500.

речь против православия, но собственное творчество мыслителя уводило его за пределы православия, да и христианства вообще².

Следующий шаг трансгрессии в биографии С. Н. Булгакова — выход за пределы христианства. Этот шаг трудно «привязать» к какому-либо определенному тексту или событию. Наверно, это весь зарубежный период творчества мыслителя. Так же трудно определить реальность, открываемую творчеством С. Н. Булгакова. «За пределами христианства» — это отрицательное определение. Мир Софии? Но софиология — средство обретения новой реальности, а не сама реальность. Мистическая реальность? Но это крайне неясное определение. Не христианство Креста, а христианство Рыбы или христианство Якоря? Но это забытые метафоры, смысл которых невнятен, а определение должно быть ясным. Теософия, как у Я. Бёме, Э. Сведенборга, Ф. Баадера и А. Н. Шмидт? Но С. Н. Булгаков очень и очень глубок и совсем не теософ. Гностицизм? С этим определением можно согласиться, если под гностицизмом понимать не экзотичные метафизические системы начала нашей эры, а интеллектуально-духовную практику освоения мира, мистагогию духа. Не мистическая метафизика, а руководство к практике духовно-мистического освоения реальности — смысл всего творчества мыслителя. «За пределы христианства» — это указание не только на место, но и на способ действия. В этом отношении С. Н. Булгаков очень современен. Не нужно умножать нарративы, углублять их метанарративами и деконструировать то и другое играми на периферии текста, нужно создать читателя, функцией которого будет все названное. Текст, создающий читателя, — сюжетообразующий принцип в романах У. Эко и догмат мировоззрения М. Фуко, Ж. Батая, А. Арто, Ж. Деррида.

Итак, интеллектуальная биография С. Н. Булгакова есть совокупность шагов трансгрессии из патриархальной клерикальной семьи в гимназию, университет, безбожие и материализм, от марксизма к идеализму и христианству; от России, от православия, от христианства. Названные шаги — этапы выстраивания новой субъектности. Не экономика, не политика, не метафизика, а мистагогия духа, конструирование новой субъектности — смысл творчества мыслителя.

2

«Ипостась» и «ипостасность» как мыслительные формы

Термины «ипостась», «ипостасный», «ипостасирование», «воипостасирование», «ипостасность» имеют весьма широкое распространение в трудах С. Н. Булгакова. Они используются

значительно чаще, чем того требует тринитарное богословие и христология. «Воипостасирование» и «ипостасность» можно считать неологизмами С. Н. Булгакова. Это позволяет утверждать, что содержание данных терминов расширено, а прагматика модифицирована. Необходимо представить эти термины в их смысловом и функциональном аспектах.

Стандартное значение слова «ипостась» определяется следующим образом: «Чтобы более определенно указать на действительное различие Божественных Лиц, греческие отцы ввели в богословие понятие «ипостась». Оно позволяло обозначить неповторимость, личностный характер каждого Лица Святой Троицы. «Ипостась» в богословии означает личность*.

У С. Н. Булгакова есть работа методологического содержания, где раскрывается соотношение терминов «ипостась» и «ипостасность» и показывается область их употребления: «В области духа, наряду с ипостасью и природой его, определяется еще одно возможное состояние — ипостасность. Это есть способность ипостасироваться, принадлежать ипостаси, быть ее раскрытием, отдаваться ей. Это — особое ипостасное состояние не через свою, но через иную ипостась, ипостасирование через самоотдание»**.

Данные категории имеют большое значение для методологии С. Н. Булгакова, через них объясняются многие важные положения: «Боговоплощение выразилось в том, что на место тварной ипостаси в человеческой ипостасности стала ипостась Логоса, Богорождение же выразилось в том, что тварная человеческая ипостась безраздельно и без всякого остатка отдала себя Духу Святому, сделалась ипостасным приемлющим Его сосудом»***. «Для тварного сознания София предстает как сущность мира в космическом лике, ипостасирующемся в человеке. Тварная ипостась его есть только ипостасирующий центр самосущей монады, которую она призвана раскрывать, или вмещать, в своем сознании и творчестве»****. «В последнем итоге вся тварь имеет человеческую ипостась, сама же она обладает только ипостасностью, способностью и стремлением ипостасироваться в многоединстве ипостасей»*****.

* *Алипий архим., Исая архим.* Догматическое богословие. Курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 114.

** *Булгаков С. Н.* О чудесах евангельских. М., Русский путь, 1994. Т. 2. С. 318.

*** Там же. Т. 2. С. 320.

**** Там же. Т. 2. С. 322.

***** Там же. Т. 2.

Природа — окачествованность чего-либо, существование в собственном качестве. Ипостась — в себе существующее качество, образующее самостоятельную целостность, предмет, в самобытии, оформленность в качестве субъекта. Ипостасность — способность принадлежать ипостаси и быть ее раскрытием. Неправильно мыслить отношение «ипостась — ипостасность» как субъект-объектное отношение. Ипостасность тоже субъектна, но это субъектность восприятия и принадлежности, субъектность вбирания в себя содержания, субъектность жертвенности. С. И. Булгаков пользуется традиционным представлением о мужественности /женственности и определяет ипостасность как то, что мистики называли «вечной женственностью».

Отношения «ипостась — ипостасность» в качестве мыслительной формы дает новые познавательные возможности. В языке есть ряд соотносимых слов, обозначающих содержание и внешнюю выраженность содержания, типа: «энергия — энергичность», «человек — человечность», «наука — научность», «истина — истинность». Первые слова означают субстанцию, качество, содержание. Вторые слова из названных пар означают наличие определенного качества, данное в чем-то конкретном; энергичный — обладающий энергией, энергичный человек, энергичное действие; научность — построенность по закону и форме науки, научная теория, научное утверждение. Эти слова соотносимы с первыми так, как выражение соотносимо с содержанием выражения.

Отношение «ипостась — ипостасность» подобно указанным языковым отношениям, ипостась может быть определена как содержание, ипостасность — как выраженность содержания. На этом подобие заканчивается и начинается различие. С. Н. Булгаков ипостасирует и персонифицирует «ипостасность», мыслит, как «самосущую монаду», придает ей качества личности, субъект-предметное отношение заменяется на субъект-субъектное.

Гипостазирование, понимаемое как наделение самостоятельным бытием какого-либо отвлеченного понятия, свойства, идеи вообще свойственно всякому религиозному сознанию. Гипостазирование изменяет статус концепта, из мыслительной формы или мировоззренческой ценности он становится предметом в бытии. Онтологизация повышает бытийственный статус концепта, сообщает ему все качества предметов бытия: объективность, природу, форму, место в бытии. Гипостазирование в предельной степени ведет к персонификации. Персонификация позволяет мыслить концепт как живое существо. Гипостазирование и персонификация предмета (типа «энергичность», «научность», в данном случае — «ипостасность») изменяют содержание отношения в связи;

отношения следования, проявления, обнаружения превращается в отношение единства различных, но равноправных сторон. В религиозных терминах данное утверждение можно выразить следующим образом: креационизм заменяется на субординационизм или даже на координационизм. В образах данное утверждение можно выразить так: в отношении «автор — текст» текст и становится читающим автора, а затем они вообще становятся равноправными партнерами.

Гипостазирование и персонификация предмета позволяют С. Н. Булгакову решить ряд методологических проблем:

1. Неявное подтверждение получает концепция самостийности, самозаконности бытия. Выраженность качества застывает в отдельном предмете, становится самостоятельным, самодеятельным субъектом. Теряется связь между содержанием и выражением содержания. Онтологизация предикатов тварности, божественности, греховности и святости проблематизирует связь «Творец — тварь» и ведет к неявному принятию деизма.

2. Концептуально обоснованной становится интуиция единства мира. Мир разорван, разделен непроходимой пропастью, иерархизирован, если существует в напряженной антиномии «Творец — тварь». Этот дуализм может быть оформлен отношением «предмет — тень» или «родитель — ребенок», в любом случае, принципиальное различие и двойственность сохраняются. А вот если предикаты божественности становятся субъектами тварности, то Бог и мир становятся неразлично едиными, то ли автор погружается в текст, то ли текст вбирает в себя автора... Двойственность заменяется на единство за счет трансформации одного элемента отношения, но этот трансформированный элемент бесконечно проблематичен. Приведу пример для пояснения. Обычное понимание Славы Господней осуществляется по аналогии с раскаленным предметом и исходящим от него светом и теплом. Свет и тепло воспринимается как обнаружение, проявление, как то, что не имеет самостоятельного бытия, а является признаком, проявлением, феноменом. Если не онтологизировать свет и тепло, вырвать их из связи «порождающее — порожденное», то будет возможна такая удивительная ситуация, когда раскаленный металл отсутствует, а свет и тепло остались. В экскурсе «О Славе Божией в Ветхом Завете», являющимся приложением к работе «Купина Неопалимая» именно такая ситуация и происходит. Пытаясь пояснить свои мариологические утверждения, С. Н. Булгаков приходит к выводу: «Слава Божия приходит и уходит, входит в храм и выходит из храма, как бы имеет земную историю, входит во взаимодействие с че-

ловеческим родом»*. Получается, что Слава Божия имеет черты самостоятельной личности, и возможна невозможная ситуация: Слава Божия без Бога ходит по миру. Онтологизация предиката, совершаемая из стремления к предельной онтологической плотности, приводит к противоположному результату: онтологизированный предикат по положению неизбежно проблематичен и требует бесконечного концептуального подтверждения, а то, к чему он относится, становится чистым концептом, постулатом *ad hoc*, объясняющим существование предиката. Вместе с тем, это единственно возможный выход из напряженного дуализма. Противоположность А и Б можно снять либо полным отрицанием и альтернативным конструированием (нет ни А, ни Б, есть только Я), либо конструированием, акцентуацией среды, в которой находятся А и Б (а А и Б едины в Q, и Q — это главное). Разве не по второму пути развивается вся философия всеединства и софиология в частности?

3. Происходит неявная проблематизация догмата творения, из системообразующего он становится объяснительным принципом. Методологический статус одной и той же концепции может быть различным в зависимости от типа мировоззрения. Догматика творения создает дуалистическое мировоззрение, догмат творения является здесь системообразующим. В монистическом мировоззрении всеединства системообразующим началом является интуиция единства мира, а догмат творения понижается в статусе до объяснительного принципа. Различие здесь довольно тонкое. Системообразующий концепт-базовое положение, исходная аксиома, на которой строится вся совокупность последующих утверждений. Здесь познание движется средствами генетического метода и дедукции. Методологический объяснительный принцип — основание для процедуры сведения неизвестного к известному, базис интерпретации проблематичного в терминах достоверного. Здесь познание осуществляется как редукция и интерпретация. Для конкретного уяснения названного различия достаточно сравнить ангелологии Дионисия Ареопагита и С. Н. Булгакова. В первом случае — топология и топография ангельского мира, во втором — экспликация космологии, патетика любви и дидактика субъектности на ангельском материале.

4. Происходит неявная проблематизация догматики Божественного присутствия в мире. Для дуалистического религиозного сознания Божественное присутствие в мире несомненно, и формами

* *Булгаков С. Н.* К вопросу о дисциплине покаяния и причащения // Путь. 1929. № 19. С. 230.

его являются естественная и сверхъестественная благодать, то есть целесообразность и закон природы, телеология истории, Божий Промысел, Божья Благодать, Божий Суд; все воспринимаемое «прочитывается» символически, как теофания. Для монистического сознания всеединства Божественное присутствие в мире проблематично, это то, что нужно увидеть, воспринять духовным усилием.

Вместо символизма здесь используется интуиция и рационализация единения. Человек должен ощутить единство с глубинным Я — абсолютным мира и осознать это глубинно-абсолютное как Божественное. Сосредоточение на первой части задачи требует мистического дерзновения и дара, сосредоточение на второй части — трансцендентальной аналитики и рационализации вне-рационального. Историю русской философии всеединства можно интерпретировать как убывание мистического и нарастание трансцендентального элемента. Весьма огрублённо рассуждая, можно утверждать, что софиологическая поэзия Вл. Соловьева — максимум мистического и минимум трансцендентального, а «Непостижимое» С. Л. Франка — наоборот. В этой работе у Франка образ острова — рационального и моря — иррационального является мистической данностью, причем, текст не дает уверенности, что это результат собственного мистического опыта, а все остальное — трансцендентальная рационализирующая конструкция.

Замена символизма на трансцендентальное рационализирующее конструирование открывает возможности для актуализации субъектности. Для объяснения этого тезиса необходимо сделать небольшое пояснение относительно символизма. «Классический религиозный символизм — это символизм средневекового европейского крестьянина, «прочитывающего» мир как письма Бога. Например, стихийное бедствие, болезнь, неурожай, война однозначно воспринимаются символически как образы Божественного наказания; символ — частная предметная теофания. Европейский литературный символизм и русский символизм начала 20 века точнее было бы называть производным словом не от слова «символ», а от слова «символизация», что-то вроде «символизационизм». А это совсем другая установка и другая деятельность. Здесь ставится задача превращения в символ всего обыденного. Как будто мир вокруг потерял глубину и божественность, и люди стали превращать обычные предметы в символы глубинного и божественного и изоощряться в толковании ими же создаваемых символов. Так, русский религиозный символизм начала 20 века — неутомимое навешивание кванторов Божественного на окружающий мир, старательное раскрашивание бесцветного

мира красками Божественного. Это судорожная и титаническая работа на фоне скрываемой и избываемой богооставленности. Для такой работы и нужны актуализация личности, личностная трансформация, конструирование субъектности. Это неразрешимая задача для культуры, когда человек должен породить Бога.

Итак, создание отношения «ипостась — ипостасность» и онтологизация второго элемента отношения позволяет С. Н. Булгакову решить ряд задач: изменяется содержание отношения, получает подтверждение идея самостийности бытия, становится обоснованной интуиция единства мира, понижается статус догмата творения, проблематизируется догматика Божественного присутствия в мире. Решение этих задач, в свою очередь, создает возможности для актуализации субъектности.

3

От дихотомизма к трихотомизму и троичности

Ранние работы С. Н. Булгакова имеют почти навязчивый методологический штамп. Указывается какая-либо дихотомия типа религиозность — иррелигиозность, теизм — пантеизм, богочеловечество — человекобожество, цезарепопапизм — папоцезаризм, апокалиптика — пророчество, а затем предлагается правильное решение. Оно располагается «посредине», между противоположностями. Эволюция мировоззрения мыслителя приводит к тому, что дихотомия заменяется трихотомией, мыслимой по аналогии ипостасей Святой Троицы. Теоретическое обоснование новой стратегии мысли дано в «Трагедии философии».

Для понимания внутренних оснований эволюции мировоззрения философа необходимо представить дихотомическое и трихотомическое мышление и показать основания перерастания одного в другое.

1. Принцип дихотомии организует мышление на конституирование себя в пределах и на осуществление себя в опосредствовании пределов. Предел — «пространственная или временная граница чего-нибудь; то, что ограничивает собой что-нибудь; последняя, крайняя грань, степень чего-нибудь»*. Предел — вид границы, граница, видимая изнутри, от центра. В качестве онтологического объекта предел имеет все признаки максимума существования, осуществления. Предел — максимальная насыщенность и полнота выражения. В качестве мыслительной формы предел — высшая мера определенности, крайнее выражение качества. Мыслить

* Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 169.

пределами — это мыслить идеально, поскольку никакое качество не существует реально в предельной форме. Мыслить пределами — это мыслить абстрактно, поскольку никакое качество не существует обособленно, вне связи с другими формами определенности. Мыслить пределами — это мыслить на границе крайней интенсивности качества или на границе исчезновения этого качества. Мышление пределами осваивает внутреннее пространство определенности, отталкиваясь от пределов.

В дихотомическом мироздании пределы иерархически организованы. Пределы мыслятся в семантике уровня. Так или иначе все бытие располагается по уровням возрастания-убывания, верх-низа. Высшее считается ценностно значимым, а низшее — фактом ослабления и деградации. Бытие как бы теряет свою оптическую плотность по мере движения сверху вниз. Ранжированность бытия выражается в символах Мирового древа, горы, лестницы. В христианской мысли особо значимыми являются символы горы и лестницы.

Пределы — крайние точки восхождения и нисхождения. Человек сознает себя движущимся по вертикали бытия; любое действие, каждая мысль, всякое чувство повышают или понижают человека по лестнице мироздания. В качественном отношении пределы обнаруживаются как абсолютное и относительное. Количественное возрастание вверх осознается как приближение к Абсолюту, убывание вниз — как погружение в пакибытие или ничто. Дихотомическое мышление осуществляет себя, отталкиваясь от пределов и осваивая «срединное царство», «медиаторный континуум», то, что находится между пределами. Это освоение осуществляется как познание абсолютного, как обнаружение абсолютного в относительном. Как познание относительного. Содержание дихотомического мышления строится в деятельности опосредствования пределов как результат актов опосредствования и задается суммой энергии опосредствования.

Дихотомическое мышление находится в некоей проблемной ситуации, зная пределы, оно должно осуществить себя в пространстве между этими пределами. Настоятельная потребность познать-создать себя требует специфической практики самоопределения, не «что есть Я?», а «где Я?», «насколько полон Я духом и насколько подчинен природе?». Такая форма самоопределения в свою очередь задает символический тип познания. В религиозном понимании мир мыслится как «письмена Бога», «криптограмма Божества», и нужно адекватное прочтение. В научном варианте мир — некая поверхность, феноменальное, явление, форма, следствие, и нужно обнаружить, соответственно, глубину, ноуменальное, сущность,

содержание, причину. В религиозном и научном вариантах дихотомического мышления человек исчисляет абсолютное в относительном, в мистическом и романтическом — создает условия, в которых познание мира и самопознание совпадают.

Содержание дихотомического мышления — не сумма отражений действительности, а совокупность результатов опосредствования пределов. Всякое прочтение «писем Бога», обнаружение причин и обретение глубин создают эффект освоения, успешного познавательного акта. Сумма этих результатов и образует содержание дихотомического мышления. Не случайно христианская религиозная мысль очень неприязненно относится к пониманию сознания как отражения действительности. Превратить чтеца и мыслителя в зеркало... Кто же на это согласится?!

Проблематичность дихотомического мышления выражается в том, что оно как бы не самосущее, а создаваемое. Изначально мышление как бы не в бытии, а возле него. Совокупность действий, связывающих абсолютное и относительное, создаст реальность присутствия в мире. Поэтому реальность для дихотомического мышления — количественная характеристика. Если продолжить сравнение «познание — чтение писем Бога», то это положение можно выразить так: чем больше желание читать, чем больше прочитано, тем реальнее читатель и тем он ближе к Богу.

Необходимость самопостроения вынуждает дихотомическое мировоззрение на подвижность, существовать — значит «читать», познавать. Построение личной формы присутствия, заданное необходимостью личного освоения — «прочтения», вынуждает дихотомическое мировоззрение на бесконечный субъективизм. Загадка должна быть разгадана (ибо «аз есмь» как разгадывающий), и все средства хороши, чтобы найти ключ к шифру (фигура Фауста возможна только для дихотомического мировоззрения).

Самосознание субъекта дихотомического мироздания разворачивается в обнаружении и умножении пределов. Построенность, созданность, а потому и искусственность «серединного царства» мобилизуют Я на крайние формы экстериоризации и крайние формы освоения. Пытаясь построить, освоить, заполнить свой медиаторный континуум, человек «выворачивает» себя в этом построении, экстериоризирует и объективирует собственные внутренние содержания. Человек ощущает творческое всемогущество, если ему удастся сделать насыщенным содержание «серединного царства», мира своей объективации. Человек переживает безосновательность волюнтаризма и проблематичность солипсизма, испытывает эффект сжимания пределов и чувство пустоты мира при собственной экзистенциальной слабости (слаб, чтобы запол-

нить «середину» — мир между пределов). При потере пределов человек находится в дезориентации, воспринимает мир как бессмысленный и иррациональный.

Дихотомизм и иерархия жестко организуют мышление. Перейти к другой мыслительной организации можно либо за счет полной деконструкции мышления, либо за счет персонификации, гипостазирования и онтологизации области объективации Я, того, что находится между пределами. Именно второй путь и был осуществлен в интеллектуальной биографии С. Н. Булгакова.

Мыслитель описывает пределы как неправильные решения и пространство между пределами как решение правильное. Зачем нужно напряженное знание пределов для познания того, что между пределами? Образно говоря, зачем нужно знание жизни и смерти, чтобы понять, что такое болезнь, знание черного и белого, чтобы понять, что такое серое? Ведь можно познать их как, соответственно, функциональное нарушение или конкретный цвет. Знание пределов здесь будет всего лишь познавательным ориентиром. Если же предмет познается как производное пределов, то этот предмет и будет присутствовать в сознании как конструкт, как нечто построенное, а пределы будут дискурсивными познавательными формами. Содержание в виде мистического откровения, умозрительного постижения или рационального конструкта существенно различаются в своем статусе. В первом случае знание воспринимается как безусловное, нерелексивное и абсолютное, во втором случае — как безусловное, нерелексивное и абсолютное, в третьем случае — как условное, релексивное, относительное. Знание в виде рационального конструкта воспринимается знающим как недостаточное, как чистое измышление и требует бесконечного подтверждения.

Подобная техника задает внутреннюю необходимость онтологизации концептуального содержания между пределами. Содержание отношения двух субъектов становится третьим субъектом, дихотомия перерастает в трихотомию, которая старается быть троичностью. Трихотомия, в строгом значении слова есть «деление объема понятия на три члена»*.

Дихотомия естественным образом, внутренней энергией самодвижения перерастает в трихотомию, а вот превращение трихотомии в троичность — забота, желание и бесконечные усилия мыслителя.

Трихотомическое мышление ориентировано на различение как способ действия. Различение устанавливает границу или

* Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. С. 547.

градацию между подобными предметами. Различение — установление границы — процесс дооформления предметности, установление места предмета, где местом может быть что угодно — разум, душа, пространство, время. Различение — установление градации возможно только для предметов абстрактного и операционального отношения типа «холодный — теплый — горячий». Здесь субъект выступает как оператор измерения выраженности качества. Если невозможны абстрактные и операциональные отношения и вмешивается фактор личной значимости, то установление градации превращается в иерархизацию — расположение по значимости. Значимость находится не в предмете, а за ним, так, например, значимость события определяется мерой его влияния на другие события. Указание значимости всегда проблематично, в иерархии всегда видна произвольность, иерархия всегда сомнительна.

Трихотомическое мышление перерастает в троичное, когда различение замещается интуицией целостности трех. Это замещение — довольно сложный процесс, во-первых, концептуально различное нужно превратить в онтологически единое без потери различия, во-вторых, аксиологически-интенциональное нужно превратить в реальное, а в целом — дискурс заменить интуицией. В «Трагедии философии» С. Н. Булгаков описывает троичную природу мысли в догматическом определении по типу отношения ипостасей Отца, Сына и Святого Духа, в логическом сравнении — как отношение элементов в суждении «S есть P», «Я есмь нечто»*. «Я не есть само по себе, не существует, но имеет существование, получает бытие через другое, которое есть его сказуемое и которое отлично от Я»**. Я полагает себя во внешнее и в этом акте создает себя как полагающее, нетождественное полагаемому, например, «воление существует в волящем», действие содержит в себе действующего. «С одной стороны, Я есть полное и окончательное не по отношению ко всякому определению, ибо оно вообще не *есть*, ибо ему присуще сверхбытие; с другой стороны, я есть *все*, которое составляет для него сказуемое, от самой интимной субъективности до наиболее застывшей объективности***, — утверждает философ. Я предполагает свое сказуемое, без него оно «никчемно», ни к чему не относится; сказуемое без Я невозможно, «никкомно», ни к кому не относится. Для того, чтобы быть сказуемым, принадлежать к Я, само сказуемое

* Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 351.

** Там же. Т. 1. С. 392.

*** Там же. С. 394.

должно обладать «яйностью», но вместе с тем, сказуемое должно быть другим по отношению к Я, быть не-Я. Сказуемое не исчерпывается одним предикатом, но связуется с субъектом связкой «есть», бытием. Реальность не имеет своего собственного голоса и образа, оно есть только *как* некоего *что*, его модус. Реальность существует только в отношении между ипостасью и ее природой. Бытие мыслимо лишь как связка, оно всегда есть бытие *кого-нибудь* и *чего-нибудь*. Субъект, предикат, связка; ипостась, природа, бытие — логические и онтологические термины для выражения ипостасей Отца, Сына и Святого Духа. Троичное мышление являет собой целостность мыслящего, мыслимого и мышления. Это триада абсолютна, поскольку включает в себя все возможные элементы и связи системы. Абсолютность триады делает одинаковыми по онтологическому статусу субъекта мысли, объект мысли и мысль.

Завершая параграф, хочу еще раз подчеркнуть грандиозность процесса перерастания мышления в отношении «дихотомизм — трихотомизм — троичность», а для этого приведу характеристики чисел 2 и 3, принятые в далекой от официальной науки мысли. Разумеется, это не сущностные характеристики, а метафорические значения: «2 означает «эхо», отрешение, конфликт и противовес или противопоставление; или мгновенное успокоение сил, находящихся в равновесии; число также соответствует прохождению времени: линии, идущей из прошлого в будущее; геометрически оно выражается двумя точками, двумя линиями или углом. Оно также символизирует первое неделимое ядро материи, природу в ее оппозиции к творцу, луну как противоположность солнцу. Во всей эзотерической традиции двойка рассматривалась в качестве чего-то зловещего: она означала тень и бисексуальность всего существующего или дуализм в смысле соединяющей связи между бессмертным и смертным, или между неизменным и изменяющимся. В мистическом символизме ландшафта в мегалитической культуре «2» ассоциируется с горой в виде мандорлы, центральным пунктом символического Превращения, образующего тигель жизни и включающего два противоположных полюса: добра и зла, жизни и смерти. Кроме того, «2», — это число, ассоциирующееся с Magna Mater. «3» символизирует духовный синтез, это формула для творения каждого из миров. «3» олицетворяет решение конфликта, поставленного дуализмом. Она образует полукруг, включающий зарождение, зенит и нисхождение. Геометрически она выражается тремя точками или треугольником. Она является гармоническим результатом воздействия единства на дуальность. Это число

связано с базовыми принципами и выражает самодостаточность или возрастание единства в самом себе. В конечном счете оно ассоциируется с понятием неба и Троицы»*.

Итак, мышление С. Н. Булгакова развивается по связи «дихотомизм — трихотомизм — троичность». Дихотомизм, предполагающий мышление пределами, противопоставление и иерархию пределов замещается на трихотомизм, осуществляющийся как различение. Замещение происходит в результате онтологизации отношения между пределами. Трихотомизм перерастает в троичность на основе акцентуации интуиции целостности. Целостность понимается как троичное единство субъекта мысли, объекта мысли и самой мысли.

4

Интуиция единства и прагматика сплошности

Всякому живому существу присуще стремление к сохранению собственной целостности. На уровне человека этот смутно сознаваемый закон природы в своей обращенности вовне порождает интуицию единства мира: «если я един и целостен, значит мир един и целостен». Эта интуиция образует отношение к миру и действие в нем. Интуиция единства мира создает комплекс ожиданий от природы и солидарные представления о человеке. Интуиция может быть выражена в магии, основанной на представлении, что все со всем связано; в мистике, предполагающей совокупность действий по единению с Абсолютом на основе создаваемого нового внутреннего единства личности; в повседневной деятельности. На психологическом уровне самосознания интуиция единства мира находит выражение в том, что мироздание и социум представляются имеющими «живой» характер. На философском уровне интуиция единства мира выражается в поисках первоначала, порождающего все многообразие (архэ, материя, абсолютная идея). В религиозном сознании интуиция единства мира выражается в догматике творения, в учении о связи Бога и мира, в мистике.

Прагматика сплошности сходна с интуицией единства, можно сказать, что это интуиция единства мира механистического типа. Сплошь — «без промежутков, по всей поверхности; целиком, без исключения»**. Сплошной — «идуший без перерывов,

* Керлот Х. Э. Словарь символов: Мифология. Магия. Психоанализ. М.: REFL BOOK, 1994. С. 576–577.

** Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 745.

занимающий собой что-нибудь сплошь или сплошь состоящий из чего-нибудь; охватывающий собой всех, все, целиком; чрезвычайный, очень сильный (разг.)»*. Сплошность — термин из философии П. А. Флоренского, служащий для обозначения целостности среды, состоящей из множества элементов. Сплошность предполагает механическое единство элементов. Мыслить что-либо как сплошность — видеть предмет своей мысли как систему, состоящую из множества элементов, и сознать, что основание связи элементов находится вне системы. На уровне образов: единый — громадная поверхность раскрашена *одним* цветом, сплошной — эта же поверхность вся замазана мазками разного цвета, залеплена кусочками грязи, заклеена наклейками. Сплошное — механически объединенное различное. Интуиция единства мира — органическое отношение к миру. Прагматика сплошности — действие в мире, основанное на механистическом конструировании единства. В личном измерении коллизия единства/сплошности может составлять трагедию или самообман в человеческой жизни. Ищет человек религиозно-мистического единства мира, а находит, что все «суета сует — все суета» (Еккл 1: 2), или «все те же франты в тех же фраках» (М. де Унамун³). Прагматика сплошности разворачивается как конструирование различного в целостность.

Есть основания считать, что С. Н. Булгаков более близок к прагматике сплошности, чем к интуиции единства мира. Все оказывается связанным со всем: «Чтобы измерить силу Парусин, как возвращение Господа в мир, нужно точнее определить силу Вознесения, как Его удаления из этого мира»**; связь неба и земли «осуществляется духовным присутствием Христа в мире силою Пятидесятницы, которая наитием Святого Духа как бы духовно возвращает Христа»***; «Евхаристическое пребывание Христа и Парусия... связаны между собой в отношении пришествия Христа в мир, как обетование и исполнение»****; «Парусия⁴ должна быть явлена в богословской мысли как новое откровение Святой Троицы в творении: Отец — посылающий, Сын — грядущий, Дух Святой — уже посланный и Сына в мире сдвигающий»*****; «Парусия знаменует силу не только боговоплощения, но и Пятидесятницы,

* Там же. С. 745.

** *Булгаков С. Н.* Нация и человечество. Париж: Новый град. 1934. № 8. С. 417.

*** Там же. С. 417.

**** Там же. С. 419.

***** Там же. С. 421.

Христа во Славе и Славы во Христе, явление в Нем, с Ним и через Него и Духа Святого»*.

Прагматика сплошности разворачивается как произвольная интерпретация различного по одному основанию. Интерпретация может быть насильем над текстом, когда она делается по внешнему для содержания основанию, и может быть выявлением потенциального содержания текста, когда она совершается по основанию, аутентичному содержанию. Интерпретация работает не только с содержанием, но и со значением и смыслом. Значение определяется количеством связей, актуализируемых текстом. Выявляя значение текста, интерпретатор видит текст как машину структурирования реципиента. Смысл, обнаруживаемый в интерпретации — задаваемый способ принятия содержания реципиентом. Прагматика сплошности насильственно объединяет различное. Значение демонстрируется как экспликация априорного догматического содержания. Смысл навязывается как инструкция по восприятию и пониманию. Направленность сознания интерпретатора на сплошность лишает предметы уникальности и самобытности и делает их фрагментами доказываемой целостности. Произвол заключается в лишении предметов самобытия и превращения их в элементы идеологически организованной реальности.

Прагматика сплошности является основанием для методологии всеединства. Прагматика сплошности — позиция и способ действия в мире по принципу: «все едино». Методология всеединства — совокупность интеллектуальных принципов и действий, выявляющих, доказывающих и конструирующих понимание мира как единого. Интеллектуальная практика выражает и обосновывает мировоззренческую позицию. Методология всеединства позволяет теоретически выразить интуицию единства мира, а также выражает и создает основание для мистического мироотношения. Мистическое мироотношение/миропонимание — синтез холистических функций сознания (интуиция единства мира, прагматика сплошности, методология всеединства), оформленный и санкционированный догматикой.

Мировоззрение С. Н. Булгакова развивалось как последовательный синтез названных холистических методов. Изначальная интуиция единства мира находит свое выражение сначала в экономико-материалистической, а потом в христианско-идеологической прагматике сплошности. Последняя рационализируется и интеллектуально онтологизируется в методологии всеединства,

* Там же. С. 427.

в софиологии как теории, и бесконечных «софиологических уразумениях» как дискурсивной практике. Догматика служит оформлением и культурным обоснованием по выстраиванию мистического мироотношения/миропонимания. Последние произведения С. Н. Булгакова свидетельствуют, что эта жизненная работа мыслителя была завершена.

5

Трагедия мыслителя

Судьбу С. Н. Булгакова можно назвать трагической. Если жизнь мыслителя — неутомимое движение, то обязательно есть на его пути оставленные селения, жители которых ругают ушедшего и бросают камни вдогонку, и есть новые селения, жители которых не принимают чужака. С. Н. Булгакова критиковали те, кого он оставил (экономисты, легальные марксисты, революционный идеалисты, традиционная Русская православная церковь) и не принимали те, к кому он пришел (Русская православная церковь, экуменическое движение, новое мистическое сознание).

В 1927 году С. Н. Булгаков был первый раз обвинен в модернизме, в 1935 — второй раз, в 1936 году Карловацкий собор объявил учение С. Н. Булгакова ересью. Определение Московской Патриархии от 24 августа 1935 года №93: «1. Учение проф. прот. С. Н. Булгакова своеобразным и произвольным (софианским) истолкованием часто искажающее догматы Православной веры, в некоторых своих пунктах и прямо повторяющее лжеучения, уже соборно осужденные Церковью, в возможных же из него выводах могущее быть даже и опасным для духовной жизни, признать учением чуждым Святой Православной Христовой Церкви и предостеречь от увлечения им всех Ее верных служителей и чад. 2. Православных Преосвященных Архипастырей, клириков и мирян, имевших неосторожность увлечься учением Булгакова и следовавших ему в своих поучениях, в письменных и печатных трудах, призвать к исправлению допущенных ошибок и к неуклонной верности “здравому учению”. 3. О самом же прот. С. Н. Булгакове, как состоящем вне общения с Православной Церковью Московского Патриархата, особого суждения в настоящее время не иметь, но в будущем в случае возникновения дела о принятии прот. С. Н. Булгакова в общение поставить условием такого принятия, а равно и разрешения священнодействий, письменный отказ от своего софианского истолкования догматов веры и от других своих вероучительных ошибок и письменное же обещание неизмен-

ной верности учению Православной Церкви»*. Так, по этому Указу, политический эмигрант С. Н. Булгаков был изгнан еще раз со своей Родины, но теперь уже не советской властью, а Московской патриархией. Хочется воспользоваться обычным здравым смыслом для суждения по этому вопросу. В 1935 году, в условиях жесточайшей цензуры никакая религиозная, а тем более «белоземлянская» литература не могла проникнуть на территорию СССР. Даже Указ составлялся на основе письменных записок и конспектов. Какую угрозу могло представлять мировоззрение С. Н. Булгакова для «архипастырей, клириков и мирян» в СССР? Указ способствовал дроблению и ослаблению Зарубежной Православной Церкви. В конце концов, неужели у Русской Православной Церкви не было других забот в эти страшные времена гонений и рассеяния по земле, чем преследовать своего пастыря за книги, которые невозможно понять без основательного богословского и философского образования, и к тому же изданных крохотным тиражом? С. Н. Булгаков был вынужден оправдываться, предпосылать своим трудам оговорку, что эти предлагаемые суждения — «личные домыслы», «частные богословские мнения», не претендующие на догматическое значение. Позднее, в работе «Моя жизнь в православии и священстве» ситуация была более последовательно и строго: «Мое основное чувство этой жизни определяется моей безграничной церковностью и верностью Церкви, чувством моей духовной свободы и ее долгом как основным условием и самой стихией моей церковности. Такое чувство жизни отделяло меня от той церковной среды, в которой я жил и которая была проникнута абсолютизированием относительного, духа и его творческой стихии ради вещелюбия и властолюбия, которому соответствовало на другой стороне раболепство»**.

Рефрен всей жизни С. Н. Булгакова, впервые прозвучавший в «Моем безбожии» как «чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой» в названной выше работе выражается так: «Я всегда — чем дальше, тем больше — чувствовал себя чужим среди своих»***.

Эта «чуждость» объясняется не только внешними биографическими фактическими событиями, но и внутренней невозможно-

* Лосский В. Н. Спор о Софии. Статьи разных лет. М.: Изд-во Свято-Владимировского Братства, 1996. С. 90–91.

** Булгаков С. Н. Судьбы мира, грядущее: Из наследия рус. философа. // Наш современник. 1993. № 7. С. 410–411.

*** Там же. С. 411.

стью стать кому-нибудь «своим». Стать «своим» — остановиться в каком-нибудь селении и прожить там достаточно долго. А кому «свой» странник? Странник — всегда посторонний, странный, нетождественный никому и ничему путник. Путник может быть «своим» только себе и дороге. Духовное одиночество С. Н. Булгакова задано его духовной организацией. Бесконечность движения в духе порождает, выражает бесконечное одиночество, а одиночество трагично.

В духовном измерении творчество С. Н. Булгакова есть *внутренний опыт, преодолеваемый в проект*.

Ж. Батай дает такое определение: «Внутренний опыт — это разоблачение покоя, это бытие без отсрочки»* и предлагает «принцип внутреннего опыта: выйти посредством проекта из области проекта»**. По Батаю, вокруг человека и в нем расположено бытие (оптимизм западных интеллектуалов безграничен), как некая насыщенная возможностями среда. Человек должен поставить себя на «край возможного», жить в «крайности». Проект в этом понимании — экстраполяция субъекта, абсурдный напор самости, овладевающий объектом. В проекте человек размещает себя в бытии, подобно прокаженному, заражающему окружение своим зловонием. Человек проекта — самодовольная монада, раскрашивающая мир энергией и цветом своей субъектности/субъективности. Внутренний опыт противоположен проекту. Внутренний опыт — рецептивная субъектность, но не опыт претерпевания, а опыт зарождения и развития в себе новой жизни, это позиция «что-то зреет в душе» и деятельность по обеспечению успешного «созревания». Требование Ж. Батая во всем доходить до крайности продиктовано не любовью к экстремальному, а стремлением к эффективизации внутреннего опыта. Может быть, на границе с небытием рождается стремление быть, в полной безучастности — желая, в бессмыслице — чаяние смысла. Человек внутреннего опыта парадоксален. Он избавляется от субъектности/субъективности и обретает бытие как непосредственность — в этом и странность — субъектности/субъективности. Хотя, разве парадоксально, что человек избавляется от моста, пройдя его? Субъектность/субъективность, оформленные в проект, ставят человека на край бытия, но здесь напор энергий крайности столь велик, что человек теряет обращенность к миру, полностью уходит в себя. В себе, внутренним опытом человек непосредственно встречает бытие, вне самостных проекций, экстраполяции и замутнений. Так, напри-

* Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. С. 92.

** Там же. С. 92.

мер, человек оказавшийся в ужасном месте, сначала воспринимает ужасное, затем сознает себя застывающим в предельном ужасе, а потом теряет себя, оказывается непосредственно в ужасе. Последний этап — непосредственность пребывания и претерпевания, то, к чему стремится внутренний опыт.

Человек внутреннего опыта — экспериментатор, творчески отыскивающий сферы бытия на краю и изобретательно прокладывающий пути на край. В чем-то он похож на декадент-жизнестроителя, пытающегося построить свою жизнь как художественное произведение, и конституировать текст как застывшую форму жизни.

Если сравнивать проект с дорогой, а внутренний опыт — с осознанием себя в движении, то они не то, чтобы противоположны, а различны и несовместимы. Но возможна ситуация, когда судьба человека становится трагедией совмещения этого различного и несовместимого, как это и было в творчестве С. Н. Булгакова. Обычно человек совершает действие, чтобы получить результат, а здесь человек находится в «результате» и оправдывает, объясняет «действие», призывает к нему. Если человек позволяет себе субъективизм, то на выходе получается текст с содержанием «как я здесь оказался?». Если человек исключает субъективное, то текст оказывается апологией «действия». Все тексты С. Н. Булгакова — не «проложения путей», как, например, у П. А. Флоренского, а «духовная биография или исповедь», т. е. легитимация результата. Но рассказывать об имеющемся или проповедовать его — это еще не трагедия, а, скорее всего, норма классической философии.

Трагедия возникает, когда необходимо описать содержание в терминах достижения этого содержания; не «возьми это», а «делай, как я, и будешь иметь это». Есть у человека сокровище, и он готов отдать его людям, но вынужден вместо сокровища давать инструкции по отысканию кладов. И эта «вынужденность» — внутренняя.

С. Н. Булгаков — очень радикальный модернист, пытающийся выглядеть очень строгим ортодоксом-консерватором. Эта двойственность замечательно проиллюстрирована художником О. Н. Зайцевой при оформлении книги С. Н. Булгакова «Свет Невечерний» в издательстве «Республика». Введение снабжается символом: в черный крест вписаны штриховой черно-белый круг, затем черный круг, а потом раскрытый глаз с круглым черным зрачком. Можно прочесть очень ортодоксально: крест вбирает в себя вселенную (круг — знак Солнца) и человека. И можно наоборот: дерзновение человеческого духа на фоне черной дыры в солярно-хлыстовском радении порождает из себя крест. Если бы

С. Н. Булгаков «прочитывался» по первому или второму вариантам, то никакой трагедии бы не было. А мыслитель вынужден был, будучи вторым вариантом решения, оформлять свое существование по первому, и пафос трагедии в том, что делал он это по внутреннему побуждению. Форма существования, которая выстраивается осознанным волевым усилием, не самодостаточна, не имеет собственных энергий и требует постоянного усилия. Самозванцу нужно ежеминутно доказывать, что он — царь, а царю — нет. Тяжесть усилия видна в каждой строке С. Н. Булгакова, нужно постоянно быть начеку и прилагать силу, чтобы существовать в избранном качестве. Нельзя сказать, что С. Н. Булгаков уникален в своем положении, скорее, наоборот. Духовная ситуация начала 20 века в России: дух на фоне черной дыры, судорожное вопрошание с целью создать себе Вселенную. На глобальном уровне это отражено в программах создания новой жизни в целом (большевики), общественности и государственности (умеренные политические партии), религии и Церкви (религиозный модернизм, богоискательство, богостроительство), искусства (вся литература), нового человека (почти вся оригинальная философия). Кажется, главным признаком данного типа культуры является программаторчество. Для того, чтобы понять причины этого, нужно написать столько же, сколько написали в начале века, но и тогда будет сказано недостаточно.

Одним из формальных проявлений сознательно избираемой позиции является стилизация. Она есть почти у каждого писателя или художника, не чуждались ее и философы. Так П. А. Флоренский в 1909 г. написал «Соль земли, то есть сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским». У Л. П. Карсавина есть «Saligia, или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке». Стилизация — «намеренное построение художественного повествования в соответствии с принципами организации языкового материала и характерными внешними языковыми приметами, присущими определенной социальной среде, исторической эпохе, литературному направлению, жанру, индивидуальной манере писателя, которые избираются автором как объект имитации»*. Стилизация — цитирование формы, акцентированная форма отсылает к оригиналу — и создает многомерный контекст произведения.

Итак, творческая судьба С. Н. Булгакова может быть определена как трагическая. На внешнем уровне трагическое положение

* Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 492.

в мире заключается нетождественности миру, в положении «между двух миров», «нигде не свой». В духовном измерении трагическое существование задано особой духовной организацией, странничеством в духе, стремлением к превращению переживания в проект.

Глава II

Характер антропологии С. Н. Булгакова

Антропологии различны. Большинство антропологий возникает в антиномии сущности и существования и развивается как решение одной из сторон указанной антиномии. Антропологический эссенциализм решает такие вопросы, как природа, сущность, основные качества человека, т. е. всю группу вопросов, связанных с качественной бытийственной определенностью человека. Это предполагает образ видения человека как существа статичного, замкнутого в собственной определенности. Антропологический эссенциализм рассматривает человека как существо статичное, замкнутое в собственной определенности. Антропологический экзистенциализм рассматривает человека как развивающийся проект (Сартр), как субъекта свободы (Бердяев), как субъекта предельного интереса (Гиллих), в отношениях «Я — Ты» (Бубер), человек и Бог, человек и свобода, человек и творчество. Человек рассматривается в аспекте становления какой-либо определенности, это предполагает образ видения его как существа динамического, создающего или обретающего собственные качества в существовании.

Если различать мировоззренческие системы по ценностному основанию, то можно говорить об антропологиях сущего и антропологиях должного. Антропология сущего рассматривает те же вопросы, что и эссенциалистская антропология. Антропология должного — аксиологический проект человека, здесь речь идет не о том, что есть человек, а о том, каким он должен быть. Конкретика долженствования разворачивается на основе ценностей какого-либо мировоззрения. Антропология должного довольно часто бывает анагогически⁵ и идеологически нагружена, т. е. содержит совокупность назиданий-предписаний для личности и совокупность норм и правил для социальной организации. Эти ценностные императивы трактуются как средства создания человечности в человеке, способы обретения собственной сущности, пути действительной самоактуализации, условия достижения подлинности.

Если рассматривать человека в антиномии «внутреннее-внешнее», то можно говорить об «интерналистской» антропологии, определяющей человека как неизменную, глубинную сущность,

актуализирующую себя под внешним воздействием, и об «экстерналистской» антропологии, определяющей человека как социальный конструкт.

Антропология С. Н. Булгакова — это антропология субъектности. Следует отметить, что в творческом наследии философа не найти книги под названием «человек», а в его системе — раздела «антропология». Эта тема присутствует в каждой статье и в каждой книге. Более того, смею предположить, что не хозяйство, и даже не Богочеловек были внутренней основой и движущей силой бесконечного вопрошания мыслителя. Путь к человеку составляет содержание творчества С. Н. Булгакова. Человек понимается не со стороны сущности и даже не в плане существования, а как субъект, выстраивающий себя, актуализирующий сущность в создании собственного существования.

Сделать себя существующим — это задача человека. По сравнению с такой установкой кажется наивно-простодушной проблема классического периода антропологии: человек имеет сущность высшего порядка, но погружен в существование низшего порядка, антиномия сущности и существования неразрешима. Сентиментально-романтической представляется также позиция современной антропологии: человек своим существованием создает свою сущность. Проблематизация сущности или существования или их связи — не самый радикальный вариант антропологии. А если представить некое ничто, чреватое самобытием, силой внутреннего напряжения вынужденное породить свое бытие и в нем достигнуть определенности в виде сущности, существования, формы и т. д.? Всегда таинственен акт превращения потенциального в актуальное, а если учесть, что вся актуализация задана и создана потенциальным, то бытие, возникшее в актуализации, становится предметом бесконечного вопрошания. Исходным началом антропологии С. Н. Булгакова является понимание человека как динамической монады, изводящей из себя свое бытие и создающей собственную определенность. Хозяйство, религия, культура, история — формы бытия человека, им самим порождаемые.

Антропология субъектности — «инструкция» к самоактуализации. Она утверждает, что человек сам создает свое бытие и предлагает комплекс предписаний по устройению человека. Антропология субъектности исходным началом рассуждения имеет становящуюся личность, причем со стороны самосознания; не «что есть человек?» и даже не «каким должен быть человек?», а «каким я должен быть, и что я должен делать, чтобы быть?».

В процессе объективации исходной мировоззренческой установки «я» философа заменяется на «человек» автора. Эта подмена

делает текст более отстраненным, более объективным, пафос субъективности создает то, что сегодня называется энергией дискурса.

Как можно определить и описать субъекта, если исключить чисто спекулятивные построения и не вставать на избитую тропу ноуменальных, феноменальных и функциональных определений? Как человек создает свое присутствие в мире? Что он должен сделать, чтобы стать конкретно существующим?

1. *Должна быть произведена предметная отнесенность.* Кто я? Поэт, жонглер, землемер-таксатор? Предметная область — область принадлежности, формирования и существования субъекта. В онтологическом отношении, конкретная часть бытия создает конкретный образ субъектности. В гносеологическом отношении, указание на предметную область производит категоризацию предмета познания.

2. *Должна быть достигнута определенность.* Определенность — индивидуальная выраженность всеобщего, оформленность бытия. Определенность — организация, выраженность внутреннего во внешнем, сущности в существовании. Определенность возникает как упорядочение хаотического посредством формы. На уровне личности существует своеобразный инстинкт определенности в мысли и действии, человек ищет форму рассуждения или действия, обеспечивающую адекватное присутствие в мире.

3. *Самосознание обеспечивает принятие собственной определенности.* Самосознание не может быть абстрактным вопрошанием «что есть Я?», оно обусловлено конкретным существованием вопрошающего. Самосознание производит рационализацию внутреннего опыта и внутренних состояний с целью увеличения меры соответствия человека и мира. Самосознание обеспечивает форму присутствия субъекта в событии. Она задается способом включенности в событие, от частичного механического участия («нас загрузили в вагоны и куда-то повезли»), до авторской позиции («я хочу, умею, делаю»). Самосознание обеспечивает построение релевантных форм внутреннего опыта. Например, человек сознает себя страдающим, когда испытывает неблагоприятное воздействие и не может противостоять этому. Самосознание здесь — то, что создает структуры пассивности и претерпевания. Человек сознает себя созерцателем, когда находится в позиции отрешенности и абстрактного интереса. Самосознание здесь — то, что создает структуры отрешенности и интереса. По уровню личностной значимости самосознание может быть ситуативным, частным, глобальным, экзистенциальным. Человеку дана опре-

деленность в виде Родины, национальности, конкретно-исторической ситуации, тела, характера, судьбы в целом. Самосознание строит формы внутреннего опыта, обеспечивающие принятие этой данности.

4 *Экзистенциальная практика обеспечивает аутентичное существование личности, работая с отношениями и реализуя смыслы.* С точки зрения определенности Я отношение — пространство актуализации Я. В отношении внутреннее содержание Я приобретает внешнюю выраженность в связи, оценке, действии, познании. С точки зрения содержания Я, отношение — то, что создает Я, и Я — то, что создает отношение. В отношении создается, обнаруживается и раскрывается содержание Я. Экзистенциальная практика — деятельность по созданию отношений, обеспечивающих адекватную самоактуализацию индивида.

Смысл — энергия интериоризации, формула освоения информации, схема перевода внешних данных восприятия во внутренний план сознания. Отыскивая смыслы, человек субъективизирует мир, осваивая его в терминах и возможностях наличного опыта. Экзистенциальная практика размещает в действительности найденные человеком смыслы, превращает их в знания, действия и отношения. Например, человек находит грустный смысл, что «в этом мире стонет и мучается всякая тварь», и организует свою жизнь как настороженное внимание, страдание и отчаяние. Экзистенциальная практика не строит, а обнаруживает, актуализирует индивида, выстраивает универсум внешнего, адекватный совокупности внутреннего.

5. *Собственная реальность личности возникает как результат экзистенциальной практики.* В мире художника буйство красок, богатство линий и закон — закон красок и линий; в мире странника — тропы, дороги и версты, и закон — закон движения; в мире психопата странные предметы, парадоксальные связи, невозможные отношения и закон — деструкция. Субъективная реальность, в которой находится человек, создана самим человеком, мир — объективированное Я, закон мира — экстериоризация интенциональных полей Я. Последнее суждение было бы чистым солипсизмом, если бы речь шла о метафизике, но речь идет о содержании самосознания, о месте бывания Я.

Итак, предметная отнесенность, определенность, экзистенциальная практика, онтология Я — характеристики субъектности, по этим параметрам будут описываться конструируемые С. Н. Булгаковым типы субъектности. Рассмотрение типов субъектности целесообразно предварить общей характеристикой антропологии С. Н. Булгакова.

1

Тематизированный дискурс субъектности

Антропология С. Н. Булгакова — это тематизированный дискурс субъектности.

Субъект — человек, вступающий в отношение с миром в качестве активного, деятельного, организованного элемента взаимодействия. Субъект изменяет предметный мир своего бытия и самого себя в процессе экстерииоризации внутренних содержаний. Субъектность может быть определена как окачествование субъекта, выражение и воплощение содержания субъекта в деятельности. Субъективность — аспект деятельности человека, психологический и духовно-мыслительный план, выраженная индивидуальность, то, что субъект деятельности привносит в деятельность «от себя». «Субъект» как понятие есть средство описания человека и бытия. «Субъектность» как понятие есть средство описания деятельности человека.

Антропология С. Н. Булгакова может быть понята как описание субъекта и субъектности. Любое рассуждение мыслителя (социальная философия, эстетика, христология, пневматология, ангелология) разворачивается как рассуждение о субъекте. Такая организация мысли сама по себе уже новое слово. Довольно часто философы присваивают себе функцию субъектности и превращают читателя-слушателя в абстрактного или ценностно ангажированного реципиента. Примером первого рода могут быть метафизические трактаты, типа Прокл «Первоосновы теологии». Кажется, они претендуют быть высеченными на скале в виде правил миропонимания, стать чем-то вроде таблицы умножения — безличной и абсолютно достоверной. Автор и реципиент слабо выражены. Автор отождествляет себя с проговаривающей себя Истиной и исключает все субъективно-личностное и даже обращенность к реципиенту; читателю предлагается роль, дело чистой восприимчивости. Примером второго рода являются все назидательные тексты. Здесь философ ставит себе задачу сформировать читателя в соответствии с определенным набором ценностей. Примером такого рода может быть Эпиктет с работой «В чем наше благо?». В любом случае автор проблематизирует метафизику или ценностное бытие, а не субъекта. Проблематизация «периферии» делает абсолютной фигуру автора, а существование реципиента создается чтением, слушанием, вниманием. Прокл и Эпиктет в своих текстах подобны, соответственно, повествователю и инструктору, и они игнорируют вопрос, будет ли кому воспользоваться их действием. Возможна «чистая» проблематизация субъектности, что-то типа

«что я должен делать, чтобы что-то делать? Что я говорю, когда говорю?». Здесь рассуждение уходит или в робкую метафизику, в которой неразличимы интеллигибельное и бытийственное, или в чистое самовопрошание-самовыворачивание-самоотчуждение. Когда человек ищет встречи с собой, он не знает, кого он встретит. Когда вопрошает себя — не знает, кто ответит ему. Самовыворачивание, т. е. превращение своего внутреннего в чужое внешнее — делает внутреннее действительное мнимое, а мнимое внешнее — действительным, т. е. происходит самоотчуждение автора. Кто читал «Эссе об имени» Ж. Деррида⁶, не мог не испытывать опасения: автор настолько в тексте, что теряет себя как затекстовую реальность. Текст превращается в тело автора, автор — не субъект интеллектуального действия в бытии, а интеллектуально порождающая свое существование внебытийственная конструкция. Другими словами, язык не описывает, а творит реальность, причем реальность здесь — становящийся реальностью автор.

С. Н. Булгаков не был столь радикален и избежал столько кошмарной участи. Его проблематизация предметна, текст — проговаривание тематизированной субъектности. Свойственные его культуре и его собственному мировоззрению гипостазирование, онтологизация и навешивание статуса долженствования превращают тематизированные дискурсы субъектности в субъектные проекции метафизики.

Тема — основополагающий компонент произведения, который определяет его уникальный облик и смысл. Тема — средоточие характерного, того, что отличает произведение от всех других. Тема — развернутое построение, выражающее определенную мысль, идею. Тема — «предмет, основное содержание рассуждения, изложения, творчества; главный мотив музыкального произведения»*. Тематизация — оформление материала в виде совокупности тем. Тематизация рационализирует и структурирует хаос содержания. Тематизация субъектности осуществляется в рассуждении о частных формах субъектности, например, в постижении/построении субъекта социального действия, субъекта религиозного действия, субъекта Церкви и т. п. Автор не ставит спекулятивно-метафизического вопроса «Что есть субъект?», а описывает разные формы существования субъекта. Даже при самом мимолетном касании к вопросу понятно, что субъект хозяйства и субъект чуда содержательно и конструктивно различны, описания конкретного суждения — задача философа. На уровне образов: поставлен человек перед необходимостью понять-построить

* Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 781.

бесконечность по имени «субъект», но бесконечность не поддается конечному человеческому усилию, человек изготавливает схемы постижения — построения, темы «хозяйство», «Церковь», «чудо» и посредством этих тем пытается вычерпать бесконечность. Тема является способом постижения бесконечного. О чем бы ни писал философ, это всегда рассуждение о человеке, тематическое исчисление — конструирование субъектности.

Тематизация субъектности, осуществляемая в антропологии С. Н. Булгакова, делает рассуждение — написание текста перформативным. Термины «перформанс», «перформативный» (от англ. *performance* — действие, поступок, исполнение) возникли в аналитической философии, в теории речевых актов Дж. Остина. Перформативное суждение (типа «объявляю заседание открытым»), не описывает реальность, как это делают обычные суждения, а является действием, речевым актом. В перформативном суждении аннулируется значение истинности. В современной философии данные термины получили широкое распространение и обозначают такую ситуацию в построении текста, в которой построение текста является не описанием, а созданием реальности. Перформативное суждение совершает насилие над реципиентом, поскольку принудительно вбрасывает его в создаваемую данным суждением реальность. Оно формирует субъекта своего существования.

Другими словами, рассуждение С. Н. Булгакова о хозяйстве, религии, становится способом конструирования субъекта хозяйства или религиозного действия.

Для уяснения главного тезиса этого параграфа считаю необходимым пояснить и слово «дискурс». В современной философской литературе понятие «дискурс» стало рационалистической мифологемой³, ему приписывается спектр значений от буквального *discours* (фр. — выступление, речь) до интуитивно-символического действия «рассуждение о фоне — заглядывание вглубь — обнажение для обозримости».

Если использовать весь семантический ряд *discours*, то можно выделить следующие определяющие моменты этого действия: 1) дискурс есть отношение, форма взаимодействия; 2) дискурс есть акт, действие; 3) дискурс есть акт рационализации. Содержание дискурса есть данные акта рационализации отношения. Форма дискурса создается не дискурсивными и вообще не рациональными средствами. Тяга современных философов к этому термину, несомненное предпочтение его традиционным терминам типа рассуждение, культурно-историческая детерминация, контекст, порядок мысли объясняется его несомненной онтологической нагруженностью. Имеется в виду не *theorie* — абстрактное рас-

суждение абстрактного индивида, а находящегося в определенных, его определяющих условиях. В предельном измерении, дискурс есть действие в бытии.

По структуре дискурс аналогичен типичному волевому акту, т. е. мыслится как: «во-первых, сам наш акт, как нечто еще нам не ясное, не осуществленное, но тем не менее уже находящееся в нас, а в ясности, осознанности или осуществленности, являющееся целью нашей; во-вторых — наше хотение или стремление к опознанию — осуществлению смутной еще цели; в-третьих, некоторое течение, рост или развитие нашего хотения; в-четвертых, опознанный (осуществленный) уже акт, акт — как уже достигнутая нами цель*. Другими словами, волевой акт есть целеустремленная актуализация рефлексирующего индивида, актуализация Я в направленном самополагании. Дискурс, как и волевой акт, есть прежде всего действие полагающего себя в ином субъекта мышления. Дискурс, как и волевой акт, в качестве осуществленного, имеет результат, изменяющий субъекта в бытии. Именно эти значения слова «дискурс» имеются в виду, когда говорится, что антропология С. Н. Булгакова — это тематизированный дискурс субъектности.

Итак, антропология С. Н. Булгакова, присутствующая во всех его работах независимо от тематики, может быть понята как дискурс субъекта и субъектности. Текстовая реальность имеет перформативный характер, темы — формы конструирования субъектности.

2

Два образа субъектности

Перед моим взором навязчиво стоит одна пара образов: человек, вспахивающий поле, и человек, укрывающийся от дождя. В первом случае человек изменяет мир исходящей из себя деятельностью. Во втором случае человек изменяет себя ради устройства себя в этом мире. Можно привести пример поизысканнее: человек в картинной галерее и человек в концертном зале. В первом случае человек как рукой «ощупывает» картину своим глазом, как скальпелем анатомирует нарисованное. Разумеется, ему необходимо также и «вчувствоваться» — нырнуть в предлагаемые художником глубины. Во втором случае, человек прислушивается, напрягает слух и внимание, как бы старается раскрыть себя пошире для вбирания звуков. Разумеется, здесь тоже есть активность, активность изменения себя ради другого.

* Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб.: АО Алетейя, 1994. С. 204.

В этих образах обнаруживается вектор отношения человека и мира, динамический момент существования, организующий и актуализирующий Я. Человек может быть направлен от Я к миру в качестве активного, полагающего себя вонне субъекта. Человек может находиться в связи от мира к Я, тогда он организован как воспринимающий мир, размещающий содержание мира в собственном сознании, существовании и действии.

В чем-то предложенные образы субъектности напоминают схему П. Тиллиха: мужество быть собой и мужество быть частью. «Мужество быть собой» предполагает свободное развитие человеческой индивидуальности, «имеет характер самоутверждения индивидуального Я в качестве такового, вопреки тем элементам небытия, которые ему угрожают»*, это «самоутверждения Я в качестве самого себя»**. Мужество быть собой не означает самозамыкание в индивидуализме, оно предполагает, что самоактуализация индивида является соучастием во всеобщем, рациональном самоутверждении, побеждающем тревогу судьбы и смерти, тревогу пустоты и отсутствия смысла, тревогу вины и осуждения. «Мужество быть частью» — мужество «быть частью того, от чего человек в то же время обособлен»***, это мужество утверждать и развивать свое собственное бытие в соучастии, оно предполагает частичную тождественность и частичную нетождественность в отношении к другому и осуществляется в коллективизме.

Автор прямо-таки заражает читателя этим «мужеством быть», отчаянной глубинной волей к существованию. Но разве человек имеет это «мужество быть»? И необходимо ли «мужество», чтобы «быть»? А если существование человека закономерно, как гниение тела или замерзание воды при необходимых условиях, т. е. несколько не создается, а полностью задается? А если существование человека случайно, как слово, созданное обезьяной, стучащей по клавиатуре печатной машинки? А если существование человека развивается в антиномии добровольности — вынужденности «быть»? Это еще нужно доказать, что человеку нужно «мужество», чтобы «быть», или что человек имеет или должен иметь это «мужество быть». Тиллих исходит из того, что само по себе требует доказательства. Дуалистическая метафизика «систематической теологии», историософия и антропология спасения еще никак не обосновывают «мужества быть».

* Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юристь, 1995. С. 86.

** Там же. С. 107.

*** Там же. С. 64.

Тиллих проговаривает очень важные формы присутствия человека в бытии: индивидуализация и соучастие. Если смотреть на них с позиции субъекта, выстраивающего свои отношения с миром, то можно говорить об активной и рецептивной субъектности. Активная субъектность, «мужество быть собой», предполагает направление деятельности от Я к миру, осуществляется как объективация воли, разума и ценности субъекта, как захват мира субъектными формами организации, как экстерииоризация внутренних содержаний. Активная субъектность — в некотором роде насилие над миром, трансформация мира по формам мысли и действия человека. В этой деятельности человек раскрашивает мир силами субъектности и цветами субъективности. Рецептивная субъектность, «мужество быть частью», предполагает направление деятельности от мира к Я, осуществляется как принятие мира, вбирание мира в себя, как интериоризация содержаний мира. Рецептивная субъектность — в некотором роде насилие над Я, трансформация Я ради освоения мира. В этой деятельности человек выстраивает в себе схемы соответствия миру и принимает мир по линиям этих соответствий.

Еще одной аналогией, поясняющей различие типов субъектности, может быть физическое движение тела относительно центра. Оно осуществляется как центробежное, направленное от центра к периферии, и центростремительное, направленное от периферии к центру. Так и человек обнаруживает свою субъектность как направленную вовне и в себя.

Рассмотренные формы субъектности кажутся мне наиболее подходящими для характеристики антропологии С. Н. Булгакова. Антропология активной субъектности входит в содержание первого, критического, философского периода творчества мыслителя. Здесь человек рассматривается как субъект хозяйства (гл. 3, § 1), социального действия (§ 2), религиозного действия (§ 3), аксиологического действия (§ 4). Общим является то, что человек понимается как активное, волевое, полагающее себя во внешних формах начало. Эта форма конструирования субъектности неявной предпосылкой имеет идеологию захвата мира: «Я тебя, мир, закую в оковы слова и брошу в темницу текста, тогда ты узнаешь, кто я есть, я докажу тебе, что Аз есмь». Она развивается как экспансия, причем границы Я и мира совпадают, поскольку Я создает свое существование в экспансии, а до нее существует как проблематический оформленная интенциональность. Я здесь существует как направленность на мир, как априорное наличие-присутствие-имение себя в мире, Я создает формы своего присутствия посредством создания релевантных Я и миру проблематизаций, из Я к миру

вопрошаний, осуществляя, реализуя эти проблематизаций-вопрошания, субъект создает себя как существующего. Например, человек мучительно сознает неполноту своего существования, решает, что ему не хватает знаний по палеогеографии, изучает эту науку и создает себя в качестве специалиста. Форма существования определена проблематизацией начальной неполноты. Проблематизация, как путь избавления от неполноты, создается стремлением к полноте самоактуализации.

Антропология рецептивной субъектности входит в содержание второго, богословского периода творчества С. Н. Булгакова. Здесь человек рассматривается как субъект именованя (гл. 4, § 1), субъект чуда (§ 2), субъект Церкви (§ 3), субъект пневматологии (§ 4), субъект ангелологии (§ 5), субъект смерти (§ 6), и представлены евангельские типы субъектности (§ 6)⁷. Общим является то, что человек понимается как рецептивное, выстраивающее себя в усвоении внешнего мира, начало. Эта форма конструирования субъектности неявной предпосылкой имеет идеологию страдающего вопрошания: «Мир пишет на мне свои корявые письма, как понять, что со мной происходит?». Деятельность субъекта осуществляется как порождение схем понимания происходящего, Я приводит себя к актуальности через производство смыслов, а до этого существует как бессубъектное, чистое страдание. Страдание угрожает небытием индивиду, и, чтобы сохраниться, он должен освоить страдание-претерпевание. Сначала Я существует как чистое претерпевание, затем Я оформляет освоение этого претерпевания в терминах собственной субъектности. Так, например, приходит к человеку вызов мира в виде наводнения. Сначала человек предпринимает меры, чтобы спасти себя, это чистое претерпевание. Формы освоения — осмысления (экологический кризис, кара Господня, энтропия) являются формами обнаружения его субъектности/субъективности.

Переход С. Н. Булгакова от конструирования активной субъектности к конструированию рецептивной субъектности в общем виде может быть объяснен изменением доминант в мировоззрении. На место разума, ориентированного на экспансию во внешний мир, приходит вера, организованная на выстраивание внутреннего мира в соответствии с Абсолютом. Разум и вера — это две разных деятельности, позициональности, субъектности.

На конкретном уровне переход от конструирования активной к конструированию рецептивной субъектности связан с изменением содержания пространства «между». Содержательная определенность «между», т. е. маргинального пространства, задается теми реалиями, которые эту определенность образуют. Предметы

создают определенность межпредметного пространства. Предметы различны, поэтому различна определенность межпредметного пространства. Так, например, «*между двух огней*» пространство хотя и опасное, напряженное и разрушительное, но достаточно однородное; «*между молотом и наковальней*» пространство организовано неподвижностью большого и ритмикой малого как деформирующая среда.

Маргинальное пространство между однопорядковыми или хотя бы соизмеримыми предметами организовано достаточно просто, как пересечение форм определенности. Область пересечения испытывает воздействие всех определяющих. Так, если положить между золотой и свинцовой пластинами медную, то она будет испытывать двустороннее воздействие, прилепится к золоту и свинцу вплоть до диффузии. Крестьянин, который пытается социализироваться в городе, может быть организован двумя кодексами, одним по выбору или вообще оказаться вне кодексов. Маргинальную позицию создают как свобода от детерминации, так и избыток, полифония детерминант.

Антропология активной субъектности, первый этап творчества С. Н. Булгакова, разворачивается как манифестация и изживание маргинального пространства однопорядковых предметностей.

Материализм и идеализм — две стороны одного вопроса философии, здесь единое концептуальное пространство возникает как пересечение трех смысловых полей: материализма, идеализма и маргинальной межпредметной области. Если мыслитель находится в маргинальной позиции, то он концептуально зависим от составляющих позицию пределов, а позиционно может быть свободен. Все его творчество может быть проговариванием собственной позиционности или методологией преодоления мировоззренческих составляющих. Другими словами, это будет не столько решение вопросов, сколько конструирование субъекта решения или элиминации этих вопросов. Естественно, доминантой мироотношения и действия здесь будет разум в его инструментальной функции. Для этого периода творчества мыслителя симптоматичен универсализм тематики, от экономики и социологии до истории христианства и эстетики, как это и было в творчестве С. Н. Булгакова. Текст этого периода свидетельствует, что он создан не чистосердечным решением вопроса, а эманлирующей позициональностью автора, это не столько познание мира, сколько обнаружение себя в мире, не «*что это?*», а «*как к этому отнестись?*».

Маргинальное пространство между разнопорядковыми предметами организовано в семантике отношения пределов. Семан-

тика отношения создается теми структурами сознания, которые осуществляют функцию отношения. Сознание, осуществляющее отношение, движется энергией веры, воли, ценности, т. е. организовано внерациональными средствами.

Антропология рецептивной субъектности, второй этап творчества С. Н. Булгакова, разворачивается как деятельность по выстраиванию отношения, обнаружению смыслов, выявлению неявно присутствующего. В порядке освоения сначала следует рецепция отношения, а затем ее интеллектуальное вычерпывание. Так, например, работы С. Н. Булгакова «Купина Неопалимая» и «Апостол-предатель» построены однотипно: проблематизация, обзор возможных пониманий, дидактика правильного понимания. Здесь не решается вопрос «что это?», а создается отношение-инструкция «как это надо понимать?». Естественно, что доминантой мировоззрения второго периода является вера. Акт веры создает отношение, средствами разума это отношение превращается в текст. Субъект конструируется средствами разума как субъект веры-отношения.

Константинопольские дневники С. Н. Булгакова — удивительный документ человеческой души. Боль, растерянность, стремление сохраниться и отторжение от всего определенного. Последняя характеристика требует более внимательного рассмотрения. Человек в возрасте 51 года, бывший депутат Государственной Думы, глубокий и экстремальный мыслитель располагает себя между ценностной необходимостью и фактической невозможностью, дискурс осуществляется между утопией (по закону «надо») и экзистенциальной безнадежностью: «В Россию надо верить и надо надеяться, но то что я вижу, знаю и понимаю, не дает ни веры, ни надежды»*; между рациональной ограниченностью и внерациональностью действительности: «Я туп и растерян, я не знаю и не понимаю, что случилось, и это не личное мое непонимание и ограниченность, это — так есть»**. С. Н. Булгаков считает себя переросшим историческое «самодержавное» православие, симпатизирует теоретическому и отвращается от практического католичества, а еще более не приемлет «базар» — греческое православие, и видит полную инородность ислама. Кажется, более тщательно выстроить позицию религиозной отъединенности невозможно. «Нельзя бездействовать, нельзя и действовать, и эта ероще порой дает какое-то чувство смертной безысходности», — пишет

* Булгаков С. Н. Судьбы мира, грядущее: Из наследия рус. философа // Наш современник. 1993. № 7. С. 352.

** Там же. С. 352.

философ*. Понимая и сочувствуя трагедии мыслителя, все-таки отмечу, что психологическое восприятие происходящего и его экзистенциальное значение не совпадают. Состояние «между», маргинальность, воспринимаемые как разрыв, разлом, «безысходность», в траектории судьбы является местом свободы и способом мобилизации Я на выстраивание «исхода». Отмечу также, что главное понятие философии С. Н. Булгакова «София» раскрывается в терминологии «между», не менее важное понятие «Святой Дух», догматы творения и боговоплощения, Церкви — в категориях посредничества. Это говорит о том, что проблематизации подвергается маргинальное пространство, а предполагаемые концепты — способы решения проблем, орудия освоения реальности. То, что в личной судьбе переживается как разрыв и безвременье, в творчестве является местом, куда адресуются все усилия мысли. Маргинальность и тягостное «между» оказываются базовыми концептами творчества.

Итак, предполагаемое разделение антропологии С. Н. Булгакова, понимаемой как выстраивание активной и рецептивной субъектностей, основанием имеет изменение типа маргинальности. Состояние однопорядковой межпредметности производит антропологию активной субъектности, здесь доминантой мировоззрения является разум, а содержанием творчества — манифестация субъекта позициональности. Состояние разнопорядковой межпредметности производит антропологию рецептивной субъектности, здесь доминантой мировоззрения является вера, а содержанием творчества — выстраивание субъекта смысла.

3

Икономия проективной антропологии

Антропология С. Н. Булгакова имеет проективный характер и разворачивается как икономия; она есть описание порядка организации действий по осуществлению проекта человека.

Проект — «разработанный план сооружения, какого-нибудь механизма, устройства; предварительный текст какого-нибудь документа; замысел, план»**. Проект — план овладения будущим или иным, выраженный в конкретно предметной форме. Проективное мышление — атрибут человеческого существования. Начиная с простейших форм (покупка вещей, встреча друзей) и заканчивая сложнейшими социальными коллизиями (социальная,

* Там же. С. 357.

** Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 599.

религиозная утопии), человек окружает себя проектами. Из всех проектов, создаваемых человеком, в лучшем случае реализуется одна сотая, одна тысячная часть, и не в осуществлении состоит главная задача проекта. Допустим, человек не доволен собой, собирается изменить свой облик и обдумывает новые одежду, прическу, речь, жестикуляцию. Или человек собирается построить новую печь в своем доме и в своем уме строит схемы этого строительства. Или человек горит неистовой религиозной верой, категорически не согласен с существующей Церковью, пишет проект усовершенствования Церкви и прибывает его к дверям храма в городе Виттенберге в виде 95 тезисов. Считать проект только теоретической подготовкой к действию — это явно сужать его функции. Проект позволяет овладеть предметом идеально и одновременно в конкретной предметной форме. Идеальность освоения сообщает действию характер духовности и свободы, здесь ничто не связывает человека и не ограничивает, все разворачивается как душевно-духовное, эмпирически-интеллектуальное действие. Предметность планируемого освоения сообщает действию характер вещественности и достоверности, представление предполагаемого «в деталях» сознается как подвластность, пригодность к операциональному манипулированию.

Проект является актуализацией возможного, обнаружением и проговариванием наличного на пределе возможного. В психологической практике шестидесятых годов 20 века использовался один бесхитростный прием, задавался вопрос: «что Вы будете делать, если получите миллион?». Человек простодушно и подробно отвечает, обнажая свои мечты, желания, страхи. Проговаривание проекта позволяет определить напряжение и направленность актуализации, описать пространство возможного. Во Франции проходят ежегодные выставки «бумажной архитектуры», где предлагаются к обозрению самые смелые и невозможные проекты зданий. Вряд ли здесь есть серьезный технический интерес (обнаружение интересной идеи) или творчески-педагогический (развитие фантазии). Интерес здесь скорее мировоззренческий. Экспликация, проявление невозможного делает более онтически плотным возможное. Человеку иногда хочется побывать с чудовищами, чтобы понять, как хорошо быть с людьми. На психологическом уровне, проект, как и мечта, существуют как глубоко личная, интимная часть сознания, неслучайно претензия на знание мечты воспринимается как нахальное требование и, наоборот, поделиться планами — оказать другому высокое доверие.

Проект обнажает границу, заданную внутренними параметрами субъекта. Исходя из наличного состояния, человек строит

реальность, организованную по принципу дополнительности. Проект может быть планом создания конкретной вещи или действия, например, проект дома, план поездки. Проект может быть формой освоения ожидаемого («поскольку запасы каменного угля скоро иссякнут, то необходимо развивать...»). Проект может быть формой компенсации настоящего («придет время, и страдающие будут утешены, а беззаконники наказаны»). Сложными формами проекта являются мечта, фантазия и утопия, они предполагают единство нескольких простых форм проекта. Общим для всех форм является то, что проект доводит реальность до некоторого оптимального уровня целостности, причем содержания дополнения в виде проекта являет собой конкретное проблемное поле субъекта. Конкретная жизнь индивида окружена поясом дополнительности, состоящим из фантазии, мечты, грезы, утопии, из всего того, что переводит суждения из изъявительного в сослагательное наклонение. Граница между действительным и проективным задается субъективно, определяется индивидуальными возможностями «сосложения».

Проективная антропология исходит из того, что человек должен осуществить свой проект, проект себя. Создается целый ряд предпосылок, делающих необходимой деятельность человека по осуществлению самого себя. В исходном пункте с начала бытия человека объявляется обусловленным, неподлинным, искаженным, так или иначе нарушенным или неправильным. Этот шаг ведет к растождествлению человека и мира. Вместе с критикой существующего предполагаются идеалы подлинного и настоящего. Идеал позволяет критиковать и направлять. Это можно увидеть даже на частном примере, допустим, человеку объяснили: «Ты неправильно ходишь, плечи должны быть..., спина должна быть... голова должна быть... а у тебя...». Гипотетическое должное позволяет критиковать и отвергать настоящее. В результате критики человек растождествляется с тем, что он имеет и направляется к тому, чего у него пока нет. Этот трансцензус должен иметь подкрепление. Для этой цели могут использоваться идеалы совершенства, свободы, здоровья, подлинности, могущества, а также идеологии достижения и спасения. Идеология мобилизует личность на достижение должного, определяет мотивацию и актуализирует энергию.

Критика и идеология, вместе взятые, создают комплекс самопостроения. Человек «от себя» достраивает то, что к нему приходит извне. Внешние факторы «надо» или «должен» дополняются внутренними «хочу», «надеюсь», «мечтаю», «обречен». Интериоризация трансформирующего воздействия на уровне самосознания воспринимается как обретение, проникновение, открытие.

Итак, введение комплекса долженствования превращает антропологию в совокупность утверждений по организации эффективного самоосуществления, т. е. в антропологическую икономию, имеющую все признаки действительной экономики: потребности, цели, средства, методы и формы деятельности, идеология деятельности.

В целом антропология С. Н. Булгакова проективна по преимуществу. Она предлагает совокупность средств для построения субъекта нового типа. Активная субъектность выстраивается как обращенность Я вовне, создания присутствия Я в мире, объективация, экстериоризация Я. Рецепттивная субъектность предполагает изменение Я для принятия мира, осуществляется как интериоризация. Антропология С. Н. Булгакова содержит в себе аксиологический комплекс, служащий основанием для доказательства необходимости самоосуществления личности.

Заключение

В настоящем исследовании обнаружен и представлен к рассмотрению пафос творчества С. Н. Булгакова — создание нового человека. Как интеллектуальное и социальное событие этот проект находится в одном пространстве с алхимическими опытами создания гомункулуса⁸, утопическими мечтаниями о новом человеке, призывом Ф. Ницше к сверхчеловеку, с коммунистическим воспитанием человека в социалистическом строительстве, с представлением о человеке как социальном конструкторе.

Как религиозное событие этот проект — трансцендирующее чаяние нового века, обращенное к человеку. Как мечта страстного мыслителя, неутомимого путника этот проект — вариация на тему Диогена, бродившего с фонарем и словами: «Ищу человека». Мой труд окажется неудачным, если он — ответ, а не версия фундаментального вопрошания к человеку.

